

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность

(код и наименование направлению подготовки, специальности)

Оперативно-розыскная деятельность

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Залог как мера пресечения в уголовном процессе России»

Студент

М.А. Тесёмкин

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Ю.О. Мещерякова

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Аннотация

Меры пресечения по праву имеют своё уникальное место в обширном комплексе мер государственного принуждения. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам продолжает вызывать множество теоретических вопросов и практических проблем – как применительно к системе мер пресечения, так и применительно к отдельным мерам. В частности, актуальность исследования вопросов, связанных с применением залога как меры пресечения в ходе производства по уголовным делам обусловлена необходимостью, с одной стороны, гуманного отношения к личности и расширения практики применения мер пресечения не связанных с изоляцией от общества, а с другой стороны – необходимостью повышения эффективности существующей системы мер пресечения. Хорошим потенциалом в этом смысле обладает именно залог, имеющий свой специфический способ сдерживающего воздействия.

Цель исследования: проанализировать залог, как одну из мер пресечения в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Задачи исследования: определить понятие и сущность мер пресечения; сформулировать понятие, содержание и значение залог в системе мер пресечения; рассмотреть вопросы нормативного регулирования предмета и размера залога и т.д.

Вопросы, связанные с мерами пресечениями, включая залог, являлись предметом исследования многих учёных. Следует выделить в данном контексте работы таких авторов как: В.П. Божьев, С.И. Вершинина, С.Б. Россинский, И.Б. Тутынин, Ю.В. Царева, С.А. Шейфер и других ученых.

Структура исследования: работа состоит из введения, трёх глав, разделённых на отдельные параграфы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие и общая характеристика залога в системе мер пресечения ...	7
1.1 Понятие и сущность мер пресечения	7
1.2 Понятие, содержание и значение залога в системе мер пресечения	12
Глава 2 Особенности предмета залога как меры пресечения	18
2.1 Нормативное регулирование предмета и размера залога	18
2.2 Проблемы, связанные с использованием в качестве предмета залога движимого и недвижимого имущества.....	27
Глава 3 Проблемы применения залога как меры пресечения.....	39
3.1 Процессуальный порядок применения залога как меры пресечения	39
3.2 Проблемы эффективности залога как меры пресечения.....	52
Заключение	61
Список используемой литературы и используемых источников	67

Введение

Актуальность исследования. Меры пресечения по праву имеют своё уникальное место в обширном комплексе мер государственного принуждения. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам продолжает вызывать множество теоретических вопросов и практических проблем – как применительно к системе мер пресечения, так и применительно к отдельным мерам.

В частности, актуальность исследования вопросов, связанных с применением залога как меры пресечения в ходе производства по уголовным делам обусловлена необходимостью, с одной стороны, гуманного отношения к личности и расширения практики применения мер пресечения не связанных с изоляцией от общества, а с другой стороны – необходимостью повышения эффективности существующей системы мер пресечения. Хорошим потенциалом в этом смысле обладает именно залог, имеющий свой специфический способ сдерживающего воздействия.

За последние годы на законодательном уровне в нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [39] (УПК РФ), касающиеся залога был внесён ряд изменений. Кроме того, с введением в УПК РФ новой меры пресечения в виде запрета определённых действий (ст. 105.1 УПК РФ) появилась возможность комбинировать залог с установленными новой мерой пресечения запретами.

Сказанное обуславливает необходимость исследования вопросов нормативного регулирования и совершенствования практики применения залога в системе мер пресечения, закреплённых в положениях действующего УПК РФ.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы, связанные с мерами пресечениями, включая залог, являлись предметом исследования многих учёных. Следует выделить в данном контексте работы таких авторов

как: В.П. Божьев, С.И. Вершинина, С.Б. Россинский, И.Б. Тутынин, Ю.В. Царева, С.А. Шейфер и других ученых.

Объект исследования – процессуальные отношения, складывающиеся в связи с применением мер пресечения, как разновидности мер процессуального принуждения.

Предмет исследования – нормы уголовно-процессуального права, регулирующие порядок и особенности применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве.

Цель исследования – проанализировать залог, как одну из мер пресечения в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Задачи исследования:

- определить понятие и сущность мер пресечения;
- сформулировать понятие, содержание и значение залог в системе мер пресечения;
- рассмотреть вопросы нормативного регулирования предмета и размера залога;
- проанализировать проблемы, связанные с использованием в качестве предмета залога движимого и недвижимого имущества;
- охарактеризовать процессуальный порядок применения залога как меры пресечения;
- дать общую характеристику актуальных проблем, связанных с эффективностью и результативностью залога, применяемого в качестве меры пресечения.

Теоретическая значимость работы состоит в разработке соответствующих научных категорий, связанных с применением залога в качестве меры пресечения и пополнения таким образом потенциала науки уголовного процесса в вопросах регулирования деятельности, связанной с применением уголовно-процессуального принуждения, что выступает

значимой основой для исследований в области мер уголовно-процессуального принуждения.

Практическая значимость работы обусловлена необходимостью совершенствования процессуальной регламентации положений, касающихся применения меры пресечения в виде залога в уголовном судопроизводстве, так как это может способствовать расширению практики применения данной меры пресечения, ввиду необходимости следования гуманистическим началам уголовно-процессуальной деятельности и применения оптимальных средств принудительного воздействия, не допускающего безосновательного и жёсткого ограничения прав и свобод личности, вовлечённой в уголовно-процессуальные отношения.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, разделённых на отдельные параграфы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие и общая характеристика залога в системе мер пресечения

1.1 Понятие и сущность мер пресечения

Основная цель, или назначение уголовного судопроизводства, сформулирована в ст. 6 УПК РФ, под которой понимается «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод». Деятельность субъектов уголовно-процессуальных отношений на всех этапах производства по уголовному делу, направлена на достижение именно этой цели.

Не секрет, что уголовно-процессуальному праву в большей мере, чем другим отраслям права, свойственно императивное правовое регулирование, в основе которого лежит принуждение. Поэтому для достижения назначения уголовного судопроизводства нередко возникает необходимость ограничить чьи-либо права, включая наиболее важные конституционные права личности.

Такое законное правоограничение осуществляется посредством института мер уголовно-процессуального принуждения.

С.Б. Россинский отличительными особенностями мер уголовно-процессуального принуждения считает следующее: «1) они могут быть предусмотрены только уголовно-процессуальным законодательством и применяются только в рамках уголовного судопроизводства; 2) могут быть применены только к участникам уголовного судопроизводства, чье ненадлежащее поведение создает или может создавать препятствия для расследования и судебного разбирательства уголовного дела, а также для решения иных задач уголовно-процессуальной деятельности; 3) могут применяться только на основании решений субъектов уголовной юрисдикции. Правом избрания наиболее строгих мер принуждения, ограничивающих конституционные права и свободы, обладает только суд; 4) решение о

применении любой меры уголовно-процессуального принуждения оформляется соответствующим уголовно-процессуальным документом» [34, с. 168].

По мнению В.П. Божьева, «меры процессуального принуждения характеризуются следующими особенностями: 1) они применяются в рамках производства по уголовному делу властными субъектами правоотношений - дознавателем, следователем, прокурором и судом; 2) связаны с ограничением и стеснением прав и свобод граждан, в том числе предусмотренными Конституцией; 3) направлены на достижение четко указанных в законе целей: обеспечение установленного УПК порядка уголовного судопроизводства, предупреждение или пресечение ненадлежащего поведения участников процесса, обеспечение исполнения участниками процесса возложенных на них законом процессуальных обязанностей, соблюдение порядка судебного заседания, обеспечение исполнения приговора суда; 4) применяются, как правило, к участникам уголовного процесса, а в отдельных случаях и в отношении лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство в связи с расследованием и рассмотрением в суде уголовных дел (лица, у которых находятся предметы или документы, переданные им подозреваемым, обвиняемым; лица, присутствующие в судебном заседании и нарушающие установленный порядок его проведения); 5) могут быть применены лишь в порядке, предусмотренном законом» [11, с. 163].

Получается, что, исходя из сказанного, главной особенностью рассматриваемого института является особая сфера применения указанных мер, а именно – сфера уголовного судопроизводства.

Как указывает И.В. Головинская, «меры уголовно-процессуального принуждения применяются уполномоченными на то должностными лицами и государственными органами при наличии оснований и в порядке, установленных законом» [17, с. 90].

Для того, чтобы применять уголовно-процессуальное принуждение, соответствующий субъект уголовного судопроизводства должен иметь

властные полномочия. Только они могут обуславливать возможность и способность участника уголовного процесса применять от имени государства соответствующие правоограничения, руководствуясь потребностями обеспечения надлежащих условий производства по делу и пресечения любых нежелательных действий, мешающих этому.

Принудительная сущность мер уголовно-процессуального принуждения находит своё отражение в том обстоятельстве, что такие меры применяются к лицам не на основе их собственного желания, а наоборот – против их воли, что естественно, так как желание со стороны кого-либо претерпевать негативные последствия правоограничений маловероятно.

В процессе применения мер уголовно-процессуального принуждения происходит ограничение самых разных прав граждан. Наибольшее внимание в контексте таких правоограничений уделяется ограничению конституционных права и свобод личности, нуждающихся в особо бережной защите со стороны государства.

Основываясь на сказанном, меры уголовно-процессуального принуждения можно определить как: «предусмотренные уголовно-процессуальным законом процессуальные средства принудительного характера, применяемые в сфере уголовного судопроизводства для содействия успешному выполнению задач уголовного процесса».

Являясь частью мер уголовно-процессуального принуждения, меры пресечения имеют свою специфику, позволяющую данные меры выделять из общего комплекса мер принуждения, применяемых в уголовном судопроизводстве.

Например, такие меры можно применять только к обвиняемому и подозреваемому. На любых других субъектов уголовного процесса их распространить никак нельзя, и это не зависит от каких-либо фактических обстоятельств.

Некоторые авторы выделяют двойственность природы мер пресечения.

Как верно отмечает С.И. Вершинина «обозначив превентивные по сущности меры в качестве «мер пресечения», т.е. мер, пресекающих противоправные деяния, законодатель допускает их использование и в целях прекращения ненадлежащего поведения обвиняемого, подозреваемого. Наряду с превентивным характером меры пресечения характеризуются их направленностью на прекращение противоправного поведения обвиняемого» [15, с. 115].

А.С. Барабаш пишет: «Меры пресечения применяются только уполномоченными уголовно-процессуальным законом органами и должностными лицами при наличии оснований и в строго установленном законом порядке» [4, с. 184].

Далеко не каждый государственный орган или какое-либо должностное лицо, представляющее государство в контексте уголовно-процессуальных правоотношений, обладает полномочиями применять принуждение к субъектам уголовного процесса.

Такие полномочия есть в арсенале следователя, дознавателя и суда (ч. 1 ст. 97 УПК РФ). Первые два участника уголовного судопроизводства могут использовать лишь те меры пресечения, которые не посягают на конституционные права и свободы личности – те же, что сопряжены с таким жёстким ограничением, находятся в компетенции справедливого и беспристрастного суда.

Меры пресечения совершенно оправданно находятся в центре внимания исследователей, разрабатывающих вопросы, связанные с применением государственного принуждения при производстве по уголовным делам, поскольку являются наиболее востребованным инструментом правоприменителя, позволяющим с минимально-необходимыми правоограничениями, обеспечить надлежащий порядок производства предварительного расследования и пресечь нежелательное поведение со

стороны лица, на которое направлено уголовное преследование – подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления.

Рассмотрение отдельных признаков, свойственных мерам пресечения, даёт нам возможность сформулировать определение понятия анализируемого института:

«Меры пресечения – это меры уголовно-процессуального принуждения, применяемые дознавателем, следователем, судом при наличии оснований и в порядке, установленных уголовно-процессуальным законом, к обвиняемому (в исключительных случаях – к подозреваемому) с целью предотвращения возможности обвиняемого (подозреваемого) скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, предупреждения или пресечения его преступной деятельности, нейтрализации или устранения неправомерного противодействия обвиняемого (подозреваемого) производству по уголовному делу и обеспечения исполнения приговора».

Система мер пресечения, расположена законодателем в главе 13 УПК РФ. Помимо самих мер пресечения, в данной главе регламентированы основания для избрания мер пресечения, а также обстоятельства, которые должны учитываться субъектом, обладающим властными полномочиями, при принятии решения о применении той, или иной меры пресечения.

Перечень мер пресечения содержится в ст. 98 УПК РФ. В последующих статьях главы 13 УПК РФ, законодатель раскрывает отдельные особенности, связанные с каждой конкретной мерой пресечения, определяет их сущность, порядок применения и т.д.

Данные меры имеют разноплановый характер превентивного (сдерживающего) воздействия на личность. А также они дифференцированы в зависимости от строгости превентивного воздействия – начиная с самой мягкой меры в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, и заканчивая самой строгой по своему сдерживающему воздействию мерой в виде заключения под стражу.

Наиболее строгие меры пресечения, как уже было ранее отмечено, могут быть применены лишь судом в установленном порядке. Те же, что не сопряжены с серьёзным ограничением прав личности, такой санкции не требуют и могут применяться следователем или дознавателем без такового, что позволяет создать соответствующие гарантии защиты прав и свобод личности при применении мер пресечения. Таким образом, таким гарантом выступает независимый, справедливый и беспристрастный суд, который в каждой конкретной ситуации оценивает необходимость и целесообразность наиболее жёсткого ограничения прав личности, посредством применения самых строгих мер пресечения.

Таким образом, подписка о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым – не требуют судебной санкции, а запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу могут быть применены к конкретному лицу только на основании решения суда.

Как представляется, имеющаяся в настоящее время система мер пресечения позволяет правоприменителю подобрать для обвиняемого или подозреваемого наиболее оптимальную меру пресечения, которая позволит обеспечить нормальный ход и результаты производства по уголовному делу.

1.2 Понятие, содержание и значение залога в системе мер пресечения

Система мер пресечения, обозначенная законодателем в главе 13 УПК РФ, включает в себя много разнообразных мер, призванных обеспечить надлежащее поведение подозреваемого или обвиняемого при производстве по уголовному делу. Системный подход законодателя к данному вопросу понятен, с учётом необходимости создания разноплановых мер с

разноплановым механизмом работы, что может и должно обеспечить решение превентивных задач в каждом конкретном случае.

Каждая из мер пресечения обладает собственным потенциалом и специфическим механизмом воздействия, отличающим одну меру пресечения от другой. Есть и сходные между собой меры пресечения – как например личное поручительство и ряд его специфических разновидностей, применяемых к определённым субъектам (к военнослужащим – наблюдение командования воинской части; к несовершеннолетним – присмотр за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым).

Но залог в существующей системе мер пресечения занимает особое место и имеет свой специфический механизм превентивного воздействия – а именно, экономический способ сдерживающего воздействия. Лицо, на которое направлено уголовное преследование, от нежелательного поведения удерживает естественный страх потерять материальные блага, в виде предмета залога.

Залог, как мера пресечения, предусмотрен в ст. 106 УПК РФ. В соответствии с ч. 1 данной процессуальной нормой, залог состоит во внесении или в передаче подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом на стадии предварительного расследования в орган, в производстве которого находится уголовное дело, а на стадии судебного производства – в суд недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу.

Тем не менее, законодательное определение залога, как меры пресечения, отсутствует, хотя, применительно к гражданско-правовой сфере

законодателем такое определение дано и нашло своё отражение в ст. 334 Гражданского кодекса Российской Федерации [18] (ГК РФ).

В определённой мере, раскрытие содержания залога, отчасти, содержится в упомянутой ч. 1 ст. 106 УПК РФ, но лишь отчасти.

Как верно указывается в публикациях, «отсутствие в УПК РФ, в том числе в ст. 5 УПК РФ, понятия залога с его кратким, тезисным содержанием влечет за собой ряд негативных последствий: низкая эффективность использования института залога в качестве меры пресечения в уголовном судопроизводстве; стагнация процесса развития залога в качестве меры пресечения в уголовном судопроизводстве» [6, с. 91].

Со сказанным можно согласиться, и предложить закрепить на законодательном уровне краткое понятие залога как меры пресечения, путём внесения соответствующего пункта в ст. 5 УПК РФ, раскрывающего данную категорию: «п. 11.2 Залог – вид меры пресечения, избрание которой возможно только судом с согласия подозреваемого или обвиняемого, несущего имущественную ответственность в случае несоблюдения установленных ограничений».

Сущность залога состоит в том, что обвиняемый (подозреваемый) принимает на себя обязательство придерживаться надлежащего поведения под угрозой конфискации предмета залога. При этом, законодатель не выделяет каких-либо специфических целей применения залога – цели, как усматривается из текста УПК РФ, общие, которые соответствуют и иным мерам пресечения: в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу. Данные цели, отражённые в ч. 1 ст. 106 УПК РФ, согласуются с основаниями для избрания меры пресечения, указанными в ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

Примечательно, что полный спектр целей применения залога, как меры пресечения, в ч. 1 ст. 106 УПК РФ появился лишь после внесения изменений в данную норму Федеральным законом от 18.04.2018 г. № 72-ФЗ [44].

До этого такая цель, как предупреждение действий, препятствующих производству по уголовному делу, не указывалась, хотя именно эта цель максимально ёмкая и содержательная и включает в себя фактически любые действия, связанные с производством по уголовному делу, нежелательные для государства, включая неявку к следователю, дознавателю или в суд, так как такая неявка тоже создаёт нежелательные препятствия производству по уголовному делу.

В ст. 99 УПК РСФСР 1960 г. [40], где производилась нормативная регламентация залога, к целям этой меры пресечения законодатель вообще отнёс лишь «обеспечение явки обвиняемого, подозреваемого по вызовам лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда».

По этому поводу в 1998 г., в период действия УПК РСФСР, высказались С.А. Шейфер и С.И. Вершинина: «Разве в отношении обвиняемого, за которого внесен залог и который, являясь по вызовам, допускает нарушение других условий меры пресечения, например, мешает установлению истины по уголовному делу или продолжает заниматься преступной деятельностью, нельзя применить более строгую меру пресечения? Положительный ответ очевиден. А это значит, что залог, при правильном его применении, несмотря на узкое нормативное определение его целей, преследует фактически значительно более широкие цели» [55].

Таким образом, внесённое дополнение в ч. 1 ст. 106 УПК РФ вполне логично и приводит цели залога в соответствие с общими целями применения мер пресечения, заложенные в действующем УПК РФ.

К аналогичному выводу приходит А.В. Шишов, считающий, что «с учетом внесенных изменений, расширивших цели залога, существенно укреплен правовой фундамент исследуемого института, что может являться

одним из путей решения полноценного использования залога в качестве меры пресечения» [56, с. 82].

Залог является одной из наиболее жёстких психологически-принудительных мер пресечения, в этой связи, очевидно, законодатель в настоящий момент продолжает придерживаться позиции исключительно судебного порядка избрания данной меры пресечения с момента внесения соответствующих изменений в ст. 106 УПК РФ Федеральным законом от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ [42].

До этого момента, залог мог применять следователь или дознаватель без судебной санкции, да и сама нормативная регламентация рассматриваемой меры пресечения была крайне скудной, по сравнению с действующей в настоящий момент редакцией указанной статьи.

Действительно, многие меры пресечения изначально были обозначены в тексте УПК РФ очень и очень поверхностно и абстрактно, ввиду чего не находили практического применения.

Шаги законодателя на пути их уточнения и детализации соответствующих процедур следует считать положительными, ведь без этого рассчитывать на системное использование мер пресечения вряд ли возможно. Правоприменитель должен иметь реальную возможность выбирать из целостного перечня предусмотренных законом мер пресечения, а не из отдельной его части по причине отсутствия реальных механизмов применения отдельных мер пресечения.

С момента появления залога в действующем УПК РФ, в ст. 106 УПК РФ и ряд сопутствующих процессуальных норм вносились изменения, всякий раз расширяющие и детализирующие особенности и процессуальный порядок её применения, что следует оценить положительно, поскольку таким образом законодатель всякий раз уделял внимание совершенствованию действующего регулирования. Разумеется, это не сделало ст. 106 УПК РФ идеальной – далеко не все изменения можно бесспорно считать уместными и непротиворечивыми.

Тем не менее, общая направленность вносимых изменений имеет положительный характер.

Таким образом, подводя итоги первой главы исследования, следует отметить, что залог занимает важное место в числе иных мер пресечения, включённых в единую систему мер, закреплённых в главе 13 УПК РФ в силу наличия, по-своему уникального, механизма сдерживающего (превентивного) воздействия на обвиняемого (подозреваемого), основанного на экономической составляющей.

Страх утраты материальных ценностей (недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций) в связи с допущенными нарушениями, потенциально обладает высокой сдерживающей способностью, ведь ни для кого не секрет, что материальная составляющая в современных социально-экономических условиях обладает высоким приоритетом, что и может обеспечить необходимую эффективность залога, сделав данную меру пресечения реальной альтернативой заключению под стражу.

Глава 2 Особенности предмета залога как меры пресечения

2.1 Нормативное регулирование предмета и размера залога

Определяя и регламентируя залог в качестве меры пресечения, законодатель в ч. 1 ст. 106 УПК РФ определяет, что в качестве предмета залога может выступать «недвижимое имущество и движимое имущество в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций».

При этом, в обозначенной выше норме не конкретизируется принадлежность соответствующего имущества на праве собственности лицу, которое вносит залог в орган, в производстве которого находится уголовное дело или в суд. О том, что предмет залога должен принадлежать залогодателю мы можем сделать вывод лишь из ч. 4 ст. 106 УПК РФ, где законодатель говорит о том, что «недвижимое имущество, допущенные к публичному обращению в Российской Федерации акции и облигации, ценности могут быть приняты в залог при условии предоставления подлинных экземпляров документов, подтверждающих право собственности залогодателя на передаваемое в залог имущество, и отсутствия ограничений (обременений) прав на такое имущество».

Относительно денежных средств, выступающих в качестве универсального предмета залога, действует, судя по всему, презумпция принадлежности данных средств залогодателю. Такой вывод подразумевается, исходя из имеющихся нормативных формулировок.

Как представляется, наиболее приемлемым в качестве предмета залога и удобным во всех отношениях являются денежные средства. Как верно замечают отдельные авторы, «не секрет, что для юриста, будь то ученый или правоприменитель, вполне привычным является внесение залога именно в виде денежных средств» [51, с. 130].

Деньги (или денежные средства) представляют собой денежные знаки в виде банкнот и монет Банка России, находящиеся в обращении в качестве законного средства наличного платежа на территории Российской Федерации, а также средства на банковских счетах и в банковских вкладах. В соответствии со ст. 140 ГК РФ на всей территории Российской Федерации законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости, является рубль.

В науке можно встретить достаточно категоричную точку зрения, относительно возможности использования в качестве предмета залога иного, помимо денежных средств, имущества: «Принимая во внимание, что деньги являются всеобщим эквивалентом в имущественных отношениях, предмет залога как меры пресечения также должен представлять собой только деньги и ценные бумаги» [14, с. 96].

Тем не менее, законодатель совершенно оправданно предусмотрел возможность использования в качестве предмета залога не только денежных средств, но и иного имущества, имеющего ценность и принадлежащего на праве собственности залогодателю (которым, помимо самого лица, на которое направлено уголовное преследование, может быть любое другое физическое и даже юридическое лицо).

Таким образом, законодателем созданы предпосылки для более широкого применения залога, предоставляя возможность материально гарантировать надлежащее поведение лица, на которое направлено уголовное преследование, за счёт разных материальных ресурсов, имеющих должную стоимость.

Определение вида (равно, как и размер залога), находится в исключительной компетенции суда, что следует из ч. 3 ст. 106 УПК РФ.

Как резонно по данному поводу замечает Б.Т. Безлепкина, «ни орган расследования, ни прокурор вид и размер залога не определяют (раньше такой порядок существовал многие годы). Это – прерогатива суда, который может, однако, испросить, выяснить и учесть мнение органов уголовного

преследования по данному вопросу, исходя из того, чтобы угроза утраты залогодателем залоговой массы служила надежной гарантией достижения цели, которая ставится применением меры пресечения» [9, с. 188].

Как отмечается авторами комментария к действующему УПК РФ, «учитывая разнообразие видов имущества, которое может выступать в качестве предмета залога, суд должен учесть предложение залогодателя о предмете залога, хотя и не связан им» [27, с. 312].

К примеру, при наличии нескольких альтернатив, принимая решение о принятии в качестве залога одного имущества, суду следует привести мотивировку данного решения и причины отказа от альтернативного варианта обеспечения.

Приведём пример из судебной практики по данному поводу: вышестоящая судебная инстанция отменила решение суда первой инстанции в части избрания в отношении обвиняемой А. залога в размере 4 млн. руб. вместо земельного участка, который был предложен подсудимой в качестве предмета залога. Суд первой инстанции должным образом не мотивировал свой отказ, ограничившись формальным указанием на невозможность принять предложенный в рассматриваемом качестве участок «несмотря на его площадь и оценочную стоимость, с учетом характеристик и свойств данного объекта недвижимости (назначения, расположения, состояния и уровня ликвидности), его значимости для залогодателя и обвиняемой, характера взаимоотношений между обвиняемой и залогодателем, не являющихся родственниками» [29].

Что касается стоимостного выражения залога, то, как уже было отмечено, определение размера такового находится в компетенции суда с учётом:

- характера совершенного преступления;
- данных о личности подозреваемого (обвиняемого);
- имущественного положения залогодателя.

Указанные выше критерии определения размера залога остались неизменными с первоначальной редакции ст. 106 УПК РФ. Собственно,

конкретизация размера залога отсутствовала и в дореволюционном и в советском уголовно-процессуальном законодательстве. Таким образом, подход в определении размера залога дифференцированный с учётом вышеназванных факторов, анализ которых должен позволить суду прийти к выводу об оптимальном размере залога, способном оказать необходимое сдерживающее воздействие, в конкретной ситуации.

Тем не менее, в процессе совершенствования регулирования вопросов, связанных с назначением залога в качестве меры пресечения, законодатель, по-прежнему придерживаясь дифференцированного подхода, сформулировал нижнюю «пороговую» границу залога, ниже которой залог быть не может, связав её с категорией преступления, в котором подозревается или обвиняется лицо, на которое направлено уголовное преследование. Данное положение появилось с принятием Федерального закона от 07.04.2010 г. № 60-ФЗ [43]. В дальнейшем, законодатель скорректировал установленный ранее нижний предел залога в Федеральном законе от 04.06.2014 г. № 141-ФЗ [41].

Таким образом, в настоящее время, по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести размер залога не может быть менее пятидесяти тысяч рублей, а по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях – менее пятисот тысяч рублей.

Тем не менее, правоприменительная практика говорит нам о том, что данная нормативная корректировка размера залога не поспособствовала увеличению практики применения рассматриваемой меры пресечения.

Если в период с 2008 г. по 2010 г. залог ежегодно применялся, в среднем, порядка 1100 раз в год [49, с. 166], то начиная с введения нижней пороговой границы размера залога, статистика начала изменяться в сторону уменьшения и такая тенденция сохранилась, по сути, на все последующие годы: в 2011 г., залог был применён в 1003 случаях, в 2012 г. эта цифра снизилась до 835, в 2013 г. – до 702, в 2014 г. произошёл небольшой подъём – 792 случая, но в 2015 г. это число резко снизилось – до 499, в 2016 г. цифра практически не изменилась, составив 498 случаев применения судом залога [16, с. 81].

Верхняя граница законодателем по-прежнему не определяется – соответственно, максимального предела нет. В качестве такового может выступать лишь фактическая возможность залогодателя, которая, как раз, и должна найти верную и адекватную оценку суда при принятии решения о виде и размере залога.

Верным видится вывод А.В. Величко, сформулированный ещё в период действия УПК РСФСР о том, что «установление в законе минимального и максимального размеров залоговой суммы не представляется возможным в силу широты спектра обстоятельств, которые необходимо учитывать для принятия верного решения о назначаемом размере денежного обеспечения» [13, с. 10].

Аналогична озвученной выше позиция Е.Г. Васильева: «Априорно рекомендовать какие-либо конкретные пределы залога – занятие, на наш взгляд, несвоевременное... Сделать это сможет со временем лишь практика активного применения данной меры пресечения» [12, с. 57].

Установив нижний предел размера залога, законодатель, очевидно, решил создать для суда ориентир, но так ли он необходим: действительно ли размер залога должен быть выше определённого законодателем нижнего предела? Меньшая сумма залога, чем в данный момент позволяет ч. 3 ст. 106 УПК РФ, однозначно не сможет обеспечить надлежащее поведение лица, к которому рассматриваемая мера пресечения применяется?

Похоже, что законодатель поставил цель ограничить судебное усмотрение в данном вопросе, стремясь исключить формализм в определении размера залога. Но подобный путь в решении проблемы вряд ли оправдан. Определяя, что размер залога определяется, в том числе, с учётом имущественного положения залогодателя, законодатель, тем не менее, говорит о том, что размер её должен быть выше установленного, а он отнюдь не мал, даже по преступлениям небольшой и средней тяжести он составляет пятьдесят тысяч рублей. Собрать данную сумму в качестве предмета залога не каждому под силу, с учётом того, в частности, что многие преступления

против собственности совершаются людьми с ограниченными материальными возможностями, без трудоустройства и наличия сбережений.

«Большинство преступлений совершают лица, у которых за душой ни гроша» [23, с. 20] – пишет Н.А. Колоколов.

И.С. Бобракова и Н.Н. Ковтун также полагают: «закрепленные в ч. 3 ст. 106 УПК РФ нововведения даже в указанных «минимальных» пределах представляются оптимальными лишь для стран с достаточно высоким уровнем жизни, устоявшейся экономической системой, но никак не для современных реалий жизнедеятельности российского государства и общества, где большинство населения, по оценкам экспертов, влачит практически нищенское существование» [10, с. 334].

Предположим, что некое лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении противоправного деяния, не располагает суммой не менее пятидесяти тысяч рублей ввиду того, что заработная плата данного гражданина не позволяет производить накопления, обеспечивая лишь необходимые траты, но это лицо располагает суммой в размере сорока тысяч рублей и готово внести её в качестве предмета залога. Указанная сумма будет существенной для данного лица и её утрата может стать для него весомым лишением, а значит – способна потенциально обеспечить его надлежащее поведение, что и требуется в связи с применением данной меры пресечения.

В таком случае, возникает обоснованный вопрос: зачем лишать суд возможности принять от обвиняемого залог в сумме, меньше установленной в данный момент ч. 3 ст. 106 УПК РФ?

Как представляется, ключевым критерием в определении размера залога, из указанных законодателем, является имущественное положение законодателя, из которого следует такое свойство предмета залога, как «существенность» его размера для залогодателя. Другими словами, размер залога должен быть значительным для конкретного лица, только в этом случае можно рассчитывать на то, что сдерживающая роль залога будет эффективной. Такая сумма не может быть универсальной, с учётом того, что уровень дохода

у всех разный и создавая нижнее пороговое значение законодатель тем самым создаёт дополнительное препятствие для применения данной меры пресечения.

Как верно отмечают П. Стерхов и И. Стерхова, «в каждом случае избрания меры пресечения в виде залога необходимо решить, какой суммой или иными ценностями может располагать залогодатель, чтобы не поставить его в трудное материальное положение» [36, с. 80].

«Поиск оптимального нормативного регулирования и эффективности применения необходим по таким характеристикам, как возможность применения залога как меры пресечения к лицам различного материального достатка, с одной стороны, и выбор суммы имущественного правоограничения, утрата которой была бы значительной материальной потерей, а, следовательно, действенной для лица, с другой» [38, с. 30] – замечает по рассматриваемому вопросу И.Б. Тутынин.

Как пишет в своей работе С.В. Калинин, «существенная часть месячного дохода среднего россиянина расходуется на обеспечение его минимальной жизнедеятельности, что сводит к минимуму возможность внесения залога в подобных суммах» [21, с. 13].

В этой связи, следует поддержать авторов, которые полагают, что для того, чтобы залог не превратился в привилегию для узкого круга лиц, необходимо отказаться от существующего в законе его минимального размера [8, с. 20].

В юридической литературе можно встретить мнение о том, что «пока не повысится уровень жизни граждан России, никакими редакционными изменениями ст. 106 УПК РФ эту причину не устранить. Установленная же, новая минимальная сумма залога не гарантирует надлежащее поведение подозреваемого, обвиняемого» [54, с. 256].

На самом деле, пороговое значение залога не способно сказаться на эффективности залога, поскольку не имеет никакого значения в отрыве от иных свойств личности подозреваемого или обвиняемого, а также уровня его

дохода, что подлежит учёту со стороны суда, который всегда может сам определить соответствующий размер залога в отношении конкретного лица, способный реализовать своё назначение в контексте обеспечения надлежащего поведения лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Но не только наличие достаточно высокого минимального размера залога влияет на слабое применение на практике залога в качестве меры пресечения. Правоприменительная практика также имеет не мало свидетельств тому, что судам более свойственно не занижать, а завышать размер залога, делая его непосильным для внесения лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности.

Между тем, Н.А. Колоколов также справедливо отмечает, что «при определении размера залога следует учитывать наличие у обвиняемого реальной возможности внести на депозит суда соответствующую сумму денег» [24, с. 52].

Приведём пример из судебной практики: «М. обвинялся в совершении тяжкого преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Следователь обратился в суд с ходатайством о продлении в отношении обвиняемого М. срока содержания под стражей, однако постановлением районного суда в удовлетворении ходатайства следователя отказано, мера пресечения в виде заключения под стражу М. изменена на залог в размере 28 млн. рублей. В апелляционной жалобе адвокат Р. указала, что при принятии решения суд нарушил требования ч. 3 ст. 106 УПК РФ, поскольку не изучил имущественное положение залогодателя, а сумма залога, установленная судом в размере 28 млн. рублей, многократно завышена и фактически назначена без учета характера совершенного преступления. Адвокат просила постановление суда изменить, установить размер залога, соответствующий имущественному положению залогодателя, в сумме 4 млн. рублей. Вместе с тем суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении апелляционной жалобы адвоката» [2].

В другом случае из протокола судебного заседания следовало, что «адвокат М. просил суд изменить Ф. меру пресечения в виде содержания под стражей на залог в размере от 5 до 7 млн. рублей, а адвокат Х. ходатайствовал об изменении И. меры пресечения в виде содержания под стражей на залог в размере 1,5 млн. рублей. Однако же суд изменил Ф. меру пресечения на залог в размере 10 млн. рублей, а И. – 3 млн. рублей» [3].

В судебной практике можно выявить случаи, когда суд, подходя формально к исследованию данных о личности подозреваемого или обвиняемого, не дав оценку тому, что лицу инкриминировано деяние, относящееся к категории преступлений небольшой тяжести, устанавливает залог размере 500 000 рублей – т.е. в десять раз превышающий нормативный порог по данной категории преступлений [28].

Подобное безосновательное и не мотивированное завышение залоговых сумм судами зачастую влечет за собой пересмотр данных решений.

Как верно отмечает С.И. Вершинина, «при правильном определении размера залога эта мера пресечения способна не только обеспечить явку обвиняемого по вызову, но и в целом гарантировать его надлежащее поведение в ходе всего производства по уголовному делу» [16, с. 81].

Таким образом, подводя определённый итог изложенному следует отметить, что судам необходимо очень внимательно и вдумчиво подходить к вопросу определения конкретного размера залога, устанавливая его на уровне, посильном для внесения и, при этом, обладающим необходимым сдерживающим воздействием за счёт того, что утрата предмета залога в данном размере станет существенным материальным лишением для залогодателя. В этой связи, как неоправданно низкая, так и чрезмерно высокая сумма залога неприемлемы.

Также изучение законодательного регулирования размера залога в современном уголовно-процессуальном праве позволяет сделать вывод о необходимости исключения фиксированной величины нижнего предела залога как условия, которое способно оказать позитивное влияние на

увеличение практики его применения, ввиду того, что данное ограничение имеет лишь обратный эффект, создавая дополнительное материальное препятствие в применении залога – в тех случаях, когда минимальный размер залога не посилен для обвиняемого, но, при этом, с учётом конкретных обстоятельств, меньшая сумма способна обеспечить надлежащее поведение данного лица.

Ключевым критерием для суда в вопросе определения размера залога должна стать достаточность для уверенного прогноза эффективного сдерживающего воздействия, с учётом всех проанализированных и учтённых судом обстоятельств.

2.2 Проблемы, связанные с использованием в качестве предмета залога движимого и недвижимого имущества

Как уже было отмечено выше, в соответствии с ч. 1 ст. 106 УПК РФ в качестве предмета залога, помимо денежных средств, допускается использование иного движимого или недвижимого имущества. Однако, применение иного, помимо денежных средств, залогового обеспечения надлежащего поведения лица сталкивается с дополнительными сложностями как организационного, так и практического плана, что, в свою очередь, не создаёт предпосылок для развития практики применения залога при производстве по уголовным делам. Именно по этой причине, относительно регулирования залога, Пленум Верховного суда в тексте Постановления от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [31] уделяет внимание именно вопросам, связанным с использованием в качестве предмета залога движимого и недвижимого имущества, формулируя соответствующую руководящую позицию для всех нижестоящих судов, создавая чёткие ориентиры.

Говоря о потенциальном использовании в качестве предмета залога недвижимого имущества, следует, в первую очередь сказать о том, что в соответствии со ст. 130 ГК РФ к недвижимому имуществу относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, жилые и нежилые помещения, предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), а также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания.

Права на недвижимое имущество, как и на его залог, подлежат государственной регистрации органом, осуществляющим государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

В соответствии с ч. 4 ст. 106 УПК РФ недвижимое имущество может быть принято судом в качестве предмета залога лишь при условии, что залогодатель подтвердит право собственности на это имущество и отсутствие ограничений (обременений) прав на него.

Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 106 УПК РФ не может приниматься в качестве залога имущество, на которое в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации [19] (ГПК РФ) не может быть обращено взыскание. В данном случае речь идёт о перечне имущества, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам (ст. 446 ГПК РФ).

В этой связи можно привести положительный пример из судебной практики, связанной с применением имущества в качестве предмета залога как меры пресечения: «11.02.2011 г. Железнодорожным районным судом г. Барнаула было рассмотрено ходатайство следователя об изменении меры пресечения обвиняемому Е. заключения под стражу на залог. Предметом залога являлись автомобиль «Тойота», стоимостью 280000 рублей, и дом, стоимостью 282726 рублей 36 копеек. При этом судом было установлено, что

на указанные объекты не наложен арест, жилое помещение не является единственным пригодным для постоянного проживания для Е. и членов его семьи, так как у них есть иное жилье, расположенное в городе К., что было документально подтверждено» [37].

Также в случаях, когда в качестве залогодателя выступает организация, необходимо установить, не установлен ли нормативный запрет на обращение взыскания на данное имущество организации, которое предлагается в виде предмета залога.

Вопрос подтверждения права собственности играет важную роль, именно поэтому должен тщательно исследоваться судом при принятии решения о принятии в качестве предмета залога имущества.

Пленум Верховного Суда РФ обоснованно полагает, что «при принятии в залог недвижимого имущества, допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций, ценностей суду следует устанавливать, чем подтверждено право собственности залогодателя на них, а в случае подтверждения такого права выяснять, не имеет ли оно ограничения (обременения). В этих целях суду надлежит исследовать подлинные экземпляры документов, подтверждающих указанные обстоятельства» (п. 43 Постановления № 41).

Таким образом, для формирования вывода о праве собственности залогодателя на определённое имущество будет недостаточно копий правоустанавливающих документов.

Для того, чтобы соответствующее имущество могло выступить в качестве предмета залога как меры пресечения, необходимо, чтобы оно было оценено, дабы у суда было достоверное представление о стоимости соответствующего имущества, о его ценности и, соответственно, потенциальной эффективности залога при принятии данного имущества для обеспечения надлежащего поведения лица, на которое направлено уголовное преследование.

Порядок оценки такого имущества (равно, как и порядок его содержания) определяется постановлением Правительства РФ от 13.07.2011 г. № 569, утвердившим положение «Об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности» [32].

Исходя из нормативного содержания данного акта, оценка имущества, которое передаётся залогодателем, за исключением денег, производится в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об оценочной деятельности, то есть Федеральным законом от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [47].

Указанная выше процедура включает в себя определение рыночной стоимости имущества, в данном случае – недвижимости, профессиональным оценщиком на основании заключенного договора путем подготовки отчета об оценке имущества, подтвержденного заключением эксперта в соответствии со ст. 17.1 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». Отчет и заключение эксперта к уголовному делу могут приобщаться в качестве иных документов или отдельного экспертного заключения.

Оценка имущества должна осуществляться не раньше, чем за пять рабочих дней до дня подачи ходатайства об избрании залога. Вместе с ходатайством залогодатель направляет в суд отчет об оценке имущества, экспертное заключение и копию договора о проведении оценки.

В течение десяти рабочих дней со дня регистрации залога недвижимого имущества залогодатель обязан подтвердить этот факт органам, ведущим процесс, предоставив им соответствующие сведения. Принятие недвижимого имущества в залог, а также его передача на хранение оформляются протоколом с приложением акта приема-передачи по форме установленного образца.

Очевидно, что для осуществления всех вышеперечисленных действий требуется продолжительный период времени. Отдельное время нужно для заключения договора, проведения оценки недвижимости, составления об этом

отчета, производства экспертизы и подготовки экспертного заключения о проверке данного отчета. Кроме того, собственник должен предъявить выписку из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, подтверждающую его право на принадлежащее ему недвижимое имущество. Учитывая же весьма сжатые сроки задержания подозреваемого, за которого, к примеру, намерены внести залог, до момента избрания в отношении него одной из мер пресечения, указанные документы сторона защиты должна собрать в короткий промежуток времени.

По смыслу ч. 7 ст. 106 УПК РФ в постановлении о применении залога суд устанавливает срок его внесения, который при условии признания задержания законным и обоснованным судом может быть продлен, но не более чем на трое суток. Если в течение этого срока залог не внесен, суд рассматривает вопрос об избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) иной меры пресечения.

Получается, что, если на момент подачи ходатайства стороной защиты не предприняты и не реализованы действия по оценке объекта недвижимости, который предполагается использовать в качестве предмета залога, данной обстоятельство может выступить в качестве основания продления срока задержания. Однако, если в дальнейшем определённого судебным решением времени не будет достаточно для решения всех документальных вопросов, в отношении данного лица может быть применена мера пресечения в виде заключения под стражу.

Очевидно, что в случае, когда у лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, отсутствует необходимая денежная сумма, обеспечивающая возможность внесения залога, но имеется объект недвижимости, который, теоретически, может выступить материальным обеспечением его надлежащего поведения, имеющиеся организационные сложности вряд ли могут позволить данному лицу своевременно собрать и представить необходимый пакет документов. В этой связи, применение залога в отношении подозреваемых с использованием иного, помимо денежных

средств, имущества в качестве предмета залога, заведомо затруднено и потому малоперспективно.

В качестве возможного решения можно было бы упростить процедуру оценки предмета залога. По мнению отдельных авторов, это можно было бы сделать за счёт отказа «от необходимости проводить экспертную оценку, чтобы возможность внести залог недвижимости появилась у большего числа лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, особенно не обладающих достаточной суммой денежных средств» [51, с. 130].

В соответствии с п. 6 Положения расходы по оценке предмета залога возлагаются на залогодателя, позицию которого в отношении сроков представления указанных документов необходимо учитывать.

Проблематичным является и следующий аспект: в каком порядке представляются указанные документы в случае, когда залог избирается по инициативе суда или по ходатайству дознавателя, следователя? Данный вопрос, к сожалению, не находит чёткой регламентации, что подтверждает вывод отдельных исследователей о том, что «расширение круга объектов залога посредством недвижимого имущества не приведет к распространению применения данной меры пресечения на практике» [35, с. 232].

Внимания требует также вопрос, связанный с содержанием предмета залога, и, соответственно, обеспечением его сохранности, что является несомненно важным для собственника заложенного имущества.

В соответствии с указанным выше Положением об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности, содержание предмета залога включает хранение и поддержание предмета залога в исправном, безопасном и пригодном для эксплуатации (использования) в соответствии с его назначением состоянии в таких условиях, которые бы исключали подмену, повреждение, порчу, ухудшение или утрату свойств предмета залога.

Хранитель, что немаловажно, не имеет права пользования или распоряжения предметом залога. В свою очередь, сам залогодатель не

лишается права пользования предметом залога в виде недвижимого имущества или ценных бумаг, но на период нахождения указанного имущества в качестве предмета залога, залогодатель лишается законного права отчуждать это имущество, что является естественным, ведь без данного ограничения предмет залога не имел бы соответствующего обеспечительного свойства.

Примечательно, что бремя расходов, связанных с содержанием предмета залога, возлагается не на государство, а на самого залогодателя (п. 15 Положения). Данное правило рационально и оправданно.

Несмотря на организационные сложности и определённую недоработанность соответствующих процедур, законодатель выбрал верное направление развития положений, регламентирующих применение залога в качестве меры пресечения. Однако же процедурный аспект реализации этих положений на практике пока не доработан.

Анализ отдельных аспектов использования недвижимого имущества в качестве предмета залога актуализирует поиск путей упрощения соответствующих процедур с внесением изменений в текст УПК РФ, без чего говорить о развитии практики использования недвижимого имущества для обеспечения надлежащего поведения лица, привлекаемого к уголовной ответственности, очень сложно.

Помимо недвижимого имущества, законодатель, как уже говорилось выше, предусматривает возможность использовать любое иное (движимое) имущество в качестве предмета залога – а именно ценности, и допущенные к обращению акции, облигации. Отдельного внимания и толкования требует такая разновидность имущества, указанная в этом ряду законодателем, как «ценности».

К ценностям в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 26.03.1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» [46] относятся драгоценные металлы и (или) драгоценные камни. К драгоценным

металлам принадлежат золото, серебро, платина и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений и осмий).

Драгоценные металлы могут находиться в любом состоянии, виде, в том числе в самородном и аффинированном, а также в сырье, сплавах, полуфабрикатах, промышленных продуктах, химических соединениях, ювелирных и иных изделиях, монетах, ломе, отходах производства и потребления; драгоценные камни – природные алмазы, изумруды, рубины, сапфиры и александриты, а также природный жемчуг в сыром (естественном) и обработанном виде. К драгоценным камням приравниваются уникальные янтарные образования в порядке, устанавливаемом Правительством РФ.

Хранение драгоценных металлов, драгоценных камней и продукции из них обладает определёнными особенностями, в связи с чем регулируется отдельными нормативными Правилами, утверждёнными Постановлением Правительства РФ от 28.09.2000 г. № 731 [33].

В качестве хранителя обозначенных ценностей может выступать банк, иная кредитная организация, имеющая соответствующую лицензию и специализированное хранилище, а также финансовое подразделение органа, принявшего залог.

Помимо вышеназванных ценностей, по мнению О.Ю. Сибиряковой, «к категории «ценности» следует причислить ювелирные и другие бытовые изделия из драгоценных металлов, природных драгоценных камней, жемчуга и лом таких изделий; произведения искусства; антиквариат и иные предметы, представляющие ценность» [35, с. 233].

По мнению авторов одного из комментариев к действующему УПК РФ, «к иным ценностям относятся ювелирные изделия, автомобили и другое имущество» [25, с. 217].

Представляется также возможным использование в данном качестве современной электроники, имеющей, зачастую, высокую стоимость (ноутбуки, смартфоны, планшеты и т.д.) – даже одна единица подобной техники ведущих мировых производителей вполне может превышать нижнее

пороговое значение размера залога по преступлениям небольшой и средней тяжести.

Отдельные авторы склонны ограничить перечень имущества, которое может быть использовано в качестве предмета залога. В частности, есть мнение, что помимо денежных средств, в данном качестве можно лишь «оговорить в законе возможность использования транспорта в качестве предмета залога» [50, с. 17], что может упростить работу правоприменителя в рассматриваемом направлении, однако, вряд ли поспособствует расширению залоговой практики при производстве по уголовным делам.

Процедура передачи ценностей в качестве предмета залога, порядок осуществления их оценки и передачи на хранение являются аналогичными применяемым в отношении недвижимого имущества.

То есть, принимая решение о приёме иных ценностей в качестве залога, следует, как и в случае с недвижимым имуществом, руководствоваться законодательством об оценочной деятельности в Российской Федерации, а значит, с оценкой движимого имущества сопряжен аналогичный комплекс проблем, как и в отношении недвижимости, о чём уже было сказано ранее при анализе соответствующих вопросов.

В ст. 106 УПК РФ нет чёткого указания на то, какое именно имущество может выступать в качестве предмета залога. Как представляется, в качестве такового может выступать фактически любое имущество, принадлежащее на праве собственности залогодателю, имеющее стоимость, превышающую минимальное пороговое значение, установленное ч. 3 ст. 106 УПК РФ, за исключением имущества, на которое не может быть обращено взыскание, а также имущества, в отношении прав на которое установлено ограничение (обременение).

Специфической разновидностью предмета залога, как меры пресечения, являются ценные бумаги. В качестве таковой, в соответствии со ст. 142 ГК РФ определяется документ, удостоверяющий с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или

передача которых возможны только при его предъявлении. С передачей ценной бумаги переходят все удостоверяемые ею права в совокупности. В случаях, предусмотренных законом, или в установленном порядке для осуществления и передачи прав, удостоверенных ценной бумагой, достаточно доказательств их закрепления в специальном реестре (обычном или компьютеризованном).

При передаче в залог ценных бумаг залогодатель представляет полученные в налоговых органах сведения, содержащиеся в Едином государственном реестре юридических лиц, о том, что эмитент ценных бумаг не находится в процессе ликвидации и не прекратил свою деятельность; принятие облигаций в залог допускается, если до наступления срока их погашения на день вынесения судом постановления или определения об избрании меры пресечения в виде залога осталось не менее одного года.

Залог ценных бумаг подлежит регистрации депозитарием, держателем реестра владельцев ценных бумаг (регистратором) в соответствии с Федеральным законом от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [45] и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации о ценных бумагах.

Одно лишь нормативное закрепление потенциальной возможности обеспечения надлежащего поведения лица, посредством залога имущества, не может способствовать расширению залоговой практики без урегулирования на нормативном уровне имеющихся сложностей.

Как видно из сказанного, соответствующие процедуры также достаточно сложны и нет отработанной практики их применения, что могло бы существенно упростить применение данных процедур, связанных с использованием в качестве предмета залога ценных бумаг.

Как свидетельствуют данные проведённого Ю.В. Царёвой опроса практических работников, подавляющее большинство следователей «в условиях выбора, залогом предпочтут подписку о невыезде и надлежащем

поведении, так как процесс ее избрания по сравнению с залогом в разы менее трудоемкий и не требует больших временных затрат» [49, с. 165].

Такой выбор предсказуем, с учётом обозначенных выше организационных и иных сложностей – правоприменитель не хочет себя утруждать, к тому же, любое нарушение (а чем сложнее процедура, тем проще ошибиться) может, в конечном итоге, стать причиной обжалования вынесенного решения и повлечь негативные последствия.

Таким образом, подводя итоги второй главы исследования, можно сделать вывод о том, что ключевым критерием в определении размера залога, из указанных законодателем, должно являться имущественное положение законодателя, из которого следует такое свойство предмета залога, как «существенность» его размера для залогодателя. Другими словами, размер залога должен быть значительным для конкретного лица, только в этом случае можно рассчитывать на то, что сдерживающая роль залога будет эффективной. Такая сумма не может быть универсальной, с учётом того, что уровень дохода у всех разный и создавая нижнее пороговое значение законодатель тем самым создаёт дополнительное препятствие для применения данной меры пресечения.

Пороговое значение залога не способно сказаться на эффективности залога, поскольку не имеет никакого значения в отрыве от иных свойств личности подозреваемого или обвиняемого, а также уровня его дохода, что подлежит учёту со стороны суда, который всегда может сам определить соответствующий размер залога в отношении конкретного лица, способный реализовать своё назначение в контексте обеспечения надлежащего поведения лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Судам необходимо очень внимательно и вдумчиво подходить к вопросу определения конкретного размера залога, устанавливая его на уровне, посильном для внесения и, при этом, обладающим необходимым сдерживающим воздействием за счёт того, что утрата предмета залога в данном размере станет существенным материальным лишением для

залогодателя. В этой связи, как неоправданно низкая, так и чрезмерно высокая сумма залога неприемлемы.

Также изучение законодательного регулирования размера залога в современном уголовно-процессуальном праве позволяет сделать вывод о необходимости исключения фиксированной величины нижнего предела залога как условия, которое способно оказать позитивное влияние на увеличение практики его применения, ввиду того, что данное ограничение имеет лишь обратный эффект, создавая дополнительное материальное препятствие в применении залога – в тех случаях, когда минимальный размер залога не посилен для обвиняемого, но, при этом, с учётом конкретных обстоятельств, меньшая сумма способна обеспечить надлежащее поведение данного лица.

Ключевым критерием для суда в вопросе определения размера залога должна стать достаточность для уверенного прогноза эффективного сдерживающего воздействия, с учётом всех проанализированных и учтённых судом обстоятельств.

На основе анализа рассмотренных проблем, связанных с отсутствием отработанных технологий использования в качестве предмета залога иного, помимо денежных средств имущества, а также громоздкостью данных процедур, можно сделать обоснованный вывод о необходимости совершенствования нормативного регулирования, а также правоприменения в данном аспекте.

Решению данных проблем вполне может способствовать внесение соответствующих поправок в уголовно-процессуальный закон в части упрощения описанных процедур.

Далее представляется необходимым рассмотреть непосредственно проблемы, связанные с существующим в настоящее время процессуальным порядком применения залога в качестве меры пресечения.

Глава 3 Проблемы применения залога как меры пресечения

3.1 Процессуальный порядок применения залога как меры пресечения

Уделяя внимание процессуальному порядку применения залога в качестве меры пресечения, следует отметить исключительно судебный порядок избрания данной меры пресечения, как уже было отмечено ранее.

В настоящее время, в соответствии с ч. 2 ст. 106 УПК РФ, залог в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого либо обвиняемого по решению суда в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ, с учетом ряда особенностей, определенных ст. 106 УПК РФ. Ходатайствовать о применении залога перед судом вправе подозреваемый, обвиняемый либо другое физическое или юридическое лицо. Ходатайство о применении залога подается в суд по месту производства предварительного расследования и обязательно для рассмотрения судом наряду с ходатайством следователя, дознавателя об избрании в отношении того же подозреваемого либо обвиняемого иной меры пресечения, если последнее поступит.

Отдельные авторы критикуют то, что законодатель допускает возможности ходатайствовать о применении залога любого физического или юридического лица (ч. 2 ст. 106 УПК РФ). В частности, предлагается разделить лиц, имеющих возможность ходатайствовать об этом, и лиц, способных выступить в качестве залогодателя. Последнее применимо к любым физическим или юридическим лицам, а заявление соответствующего ходатайства предлагается оставить лишь за «участниками уголовного судопроизводства: следователем, дознавателем, подозреваемым, обвиняемым, защитником» в отношении которых действующий закон предусмотрел четкий процессуальный механизм реализации правовой нормы» [50, с. 18].

В принципе, такая точка зрения может быть принята во внимание. Возможность заявления соответствующего ходатайства со стороны какого-

либо лица, априори, выступающего на стороне подозреваемого (обвиняемого) «в обход» самого подозреваемого (обвиняемого) или его защитника, выглядит довольно маловероятным в правоприменительной практике.

Следует отметить, что вызывает критику со стороны отдельных авторов возможность применения данной меры пресечения к подозреваемому: «нецелесообразность избрания в качестве меры пресечения залога в отношении подозреваемого подтверждается тем, что применение залога требует определенной подготовительной работы, в то время как статус подозреваемого на этапе предварительного расследования носит краткосрочный характер; у правоохранительных органов до предъявления обвинения подозреваемому имеется существенная информационная неопределенность в отношении подозреваемого» [20, с. 163].

Действительно, применение данной меры пресечения в отношении подозреваемого видится в виде некой утопической идеи, особенно, если вести речь об использовании в качестве предмета залога иного, помимо денежных средств, имущества. Нормативно такая возможность существует, а практическое применение залога к подозреваемому вряд ли целесообразно. Тем не менее, исключение нормативной возможности применения залога к подозреваемому из ст. 106 УПК РФ не требуется – вопрос фактической возможности применения (или неприменения) залога к данному участнику уголовного судопроизводства вполне можно отнести к компетенции правоприменителя, что и имеет место в существующей в настоящее время правоприменительной практике.

Также следует отметить, что законодатель никак не ограничивает возможность применения залога к лицам, которым инкриминированы деяния разной степени тяжести, хотя отдельные авторы и высказывают подобные суждения. В частности, Т.И. Шаповалова считает, что применение залога недопустимо в отношении обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, а также тяжких и особо тяжких преступлений против личности [53, с. 12].

К аналогичному выводу приходят и некоторые другие исследователи [5], [7]. Тем не менее, безоговорочно согласиться с таким подходом вряд ли возможно, ведь ни одна из мер пресечения, обозначенных в главе 13 УПК РФ, не ограничена категорией деяния, в котором подозревается ли обвиняется соответствующее лицо.

Очевидно, что ни одна из мер уголовно-процессуального принуждения, в том числе и залог, не имеет цели наказать за уголовно наказуемое деяние, а применяется для обеспечения надлежащего поведения лица.

По этой причине заведомо исключать возможность применения залога лишь потому, что деяние, в котором подозревается или обвиняется гражданин, посягает на определённый объект уголовно-правовой охраны, или же относится к определённой категории, нельзя.

Правоприменительная практика говорит о том, что решения об избрании залога принимаются судом преимущественно на основании ходатайства, поступившего от участников со стороны защиты (обвиняемого или его защитника) в качестве альтернативы заключению под стражу или домашнему аресту, т.е. применение залога иницируется стороной защиты, а не стороной обвинения в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 108 УПК РФ.

Справедливости ради можно заметить, что в ряде случаев, суд может инициировать применение залога по результатам обсуждения в судебном заседании возможности применения альтернативных заключению под стражу или домашнему аресту мер пресечения, на что указывает Пленум Верховного Суда РФ в п. 49 уже упомянутого Постановления от 19.12.2013 г. № 41.

По мнению Ю.В. Царёвой, «в каждом судебном заседании, рассматривающем вопрос о применении заключения под стражу, прокурор и судья должны выносить на обсуждение участников процесса и разрешать вопрос о применении залога в качестве его альтернативы» [50, с. 14].

Априори, в качестве залогодателя предполагается само лицо, на которое направлено уголовное преследование. Подозреваемый или обвиняемый выступает в качестве основного залогодателя, однако, как уже было отмечено,

в данном качестве может выступить и любое другое физическое, или даже юридическое лицо. В подобном случае залогодателю, не являющемуся подозреваемым или обвиняемым, в соответствии с ч. 6 ст. 106 УПК РФ, разъясняются существо подозрения или обвинения, в связи с которым избирается данная мера пресечения, и связанные с ней обязательства и последствия их нарушения.

В этом анализируемая мера пресечения соотносится с такой мерой пресечения, как личное поручительство, регламентированной ст. 103 УПК РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 103 УПК РФ, поручителю также разъясняются существо подозрения или обвинения, в связи с которым избирается данная мера пресечения, и связанные с ней обязательства и последствия их нарушения. Фактически, ч. 6 ст. 106 УПК РФ и ч. 3 ст. 103 УПК РФ идентичны друг другу.

Факт разъяснения соответствующих обстоятельств лицу, вносящему предмет залога, имеет важное процессуальное значение. Отсутствие надлежащим образом оформленного разъяснения, отражённого в материалах уголовного дела, может стать причиной признания незаконным обращения предмета залога в доход государства в случае нарушения условий избранной меры пресечения подозреваемым или обвиняемым.

Приведём пример из судебной практики: судом в отношении Д.Б. Кузнецова в ходе предварительного расследования была избрана мера пресечения в виде залога, который в установленном судом размере был внесен его матерью К. в качестве залогодателя. Однако Д.Б. Кузнецов в судебное заседание для оглашения приговора не явился, скрывшись от суда, в связи с чем был объявлен в розыск, а залог, внесённый К. был обращён в доход государства, что было оспорено в кассационном порядке. В кассационной жалобе было указано, что органами расследования и судом были нарушены права К. как залогодателя. Судом не рассмотрены доводы залогодателя о допущенных нарушениях положений ч. 5 и ч. 6 ст. 106 УПК РФ при принятии залога. В частности, не исследовался вопрос о том, составлялся ли протокол о

принятии залога в порядке ч. 5 ст. 106 УПК РФ. Кроме того, К. не были разъяснены обязательства, связанные с избранием залога в качестве меры пресечения, и последствия их нарушения.

В ходе рассмотрения материалов уголовного дела кассационная жалоба подлежала удовлетворению, решение суда об обращении залоговой суммы в доход государства признано незаконным и необоснованным. В результате постановление суда в части обращения залоговой суммы в доход государства подлежало отмене, а материалы направлены на новое судебное разбирательство [22].

Данный пример демонстрирует достаточно халатное отношение со стороны суда к вопросам, имеющим принципиальное значение. В частности, не учитываются особенности статуса залогодателя по конкретному делу. По сути, процедура принятия залога производится так, как если бы залогодателем выступал сам обвиняемый. Тем не менее, статус залогодателя имеет в процессуальном оформлении принятия залога ключевое значение и несоблюдение при этом требования ч. 6 ст. 106 УПК РФ влечёт, как уже было отмечено в приведённом примере, признание незаконным обращения в доход государства предмета залога.

Относительно залогодателя, не являющегося подозреваемым или обвиняемым, Н.Г. Нарбиковой высказывается точка зрения о том, что на данное лицо целесообразно возложить обязанности, связанные с осуществлением контроля за лицом, на которое направленно уголовное преследование и за которое вносится залог, в целях обеспечения его надлежащего поведения, своевременной явки по вызовам должностных лиц и т.д. Кроме того, высказывается предложение об обязывании такого лица сообщать в органы предварительного расследования или в суд о предполагаемом (возможном) допущении нарушений со стороны подозреваемого или обвиняемого, если об этом залогодателю стало известно [26, с. 257].

Подобные нормативные изменения в приведённом варианте вряд ли поспособствуют повышению эффективности рассматриваемой меры пресечения, поскольку создают дополнительные сложности для залогодателя, не имеющего отношения к совершённому преступлению. Если относительно личного поручительства контроль со стороны поручителя за обвиняемым является элементом механизма работы данной меры пресечения и от поручителя не требуется более ничего, то при применении залога залогодатель подвергался бы при обозначенном подходе двойной ответственности – мало того, что он вносит залог (причём существенный в своём денежном выражении, с учётом наличия в законе минимального порогового значения размера залога) из собственных средств за другое лицо, так ещё и обязан контролировать данное лицо.

Теоретически, такая модель могла бы использоваться лишь в том случае, если добросовестное отношение со стороны залогодателя к обязанности контролировать обвиняемого будет служить основанием для возвращения ему залога при допущении нарушения установленных обязанностей со стороны данного лица, как это имеет место в отношении личного поручительства. В частности, подтверждение со стороны поручителя предпринятых им мер для обеспечения надлежащего поведения лица, к которому применена мера пресечения, может обусловить неприменение к нему меры процессуальной ответственности в виде денежного взыскания в порядке ч. 4 ст. 103 УПК РФ в размере до десяти тысяч рублей, поскольку наложение денежного взыскания является правом, а не обязанностью лица должностного лица, обладающего властными полномочиями.

В случае с залогом, можно предусмотреть право суда не обращать предмет залога в доход государства, либо обращать его не в полном объёме в случае, если залог внесён физическим лицом, не являющимся подозреваемым либо обвиняемым, и данное лицо докажет, что предприняло со своей стороны действия, направленные на обеспечение надлежащего поведения

подозреваемого или обвиняемого и исполнение им обязательств, связанных с внесением залога.

Таким образом, наличие соответствующего (диспозитивного, а не императивного) положения в тексте ст. 106 УПК РФ могло бы стимулировать залогодателя к содействию в обеспечении надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого, создавая некое подобие соединения в рамках залога двух мер пресечения – в виде непосредственно залога и личного поручительства.

О том, что содержание превентивного воздействия залога при его внесении иным лицом, не являющимся подозреваемым или обвиняемым, выходит за рамки экономической составляющей в виде имущественного обеспечения, обретая нравственное содержание, говорят отдельные авторы.

В частности, в указанной ситуации, по мнению Р.З. Шамсутдиновой и Ф.А. Абашевой, залог приобретает такие особенности, как «доверие со стороны залогодателя к надлежащему поведению обвиняемого (подозреваемого), побудившее его предоставить залоговую сумму; нравственно-полезное стремление обвиняемого (подозреваемого) к оправданию оказанного ему доверия и исключению негативных последствий для залогодателя и т.д.» [52, с. 208].

Однако, в обозначенной ситуации возникает вопрос о том, каким образом контроль за поведением лица, к которому применён залог, может осуществляться со стороны залогодателя-юридического лица? Кто фактически должен его производить? Директор организации, его заместитель? Юрист этой организации, обладающий, к примеру, правом представлять интересы организации по доверенности?

Представляется, что создание нормативных предпосылок для обеспечения содействия соблюдению подозреваемым или обвиняемым установленным в отношении него требований, в связи с применением меры пресечения, возможно установить лишь в отношении залогодателя-физического лица, по аналогии с личным поручительством.

Таким образом, обобщая сказанное, можно сформулировать в качестве предложения, внесение в текст ст. 106 УПК РФ новой ч. 9.1 следующего содержания: «9.1 Залог может не обращаться в доход государства в соответствии с ч. 9 ст. 106 настоящего Кодекса, либо обращаться не в полном объёме, если залог внесён физическим лицом, не являющимся подозреваемым либо обвиняемым, и данное лицо докажет, что предприняло со своей стороны действия, направленные на обеспечение надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого и исполнение им обязательств, связанных с внесением залога».

В соответствии с ч. 7 ст. 106 УПК РФ, в постановлении или определении суда о применении залога в качестве меры пресечения суд устанавливает срок внесения залога. Если подозреваемый либо обвиняемый задержан, то суд при условии признания задержания законным и обоснованным продлевает срок задержания до внесения залога, но не более чем на 72 часа с момента вынесения судебного решения. В случае, если в установленный срок залог не внесен, суд по ходатайству, возбужденному в соответствии со ст. 108 УПК РФ, рассматривает вопрос об избрании в отношении подозреваемого либо обвиняемого иной меры пресечения.

Применение залога к подозреваемому обладает определённой спецификой. Мера пресечения в виде залога в отношении данного участника уголовного судопроизводства, согласно положениям ч. 1 ст. 100 УПК РФ, действует не свыше 10 суток, а в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 100 УПК РФ, - не свыше 45 суток. Если в указанный срок будет предъявлено обвинение, то залог продолжает действовать на всем протяжении предварительного расследования и нахождения уголовного дела у прокурора с обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением, а также в суде при рассмотрении дела.

Данная особенность получила своё уточнение в правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ в п. 51 Постановления от 19.12.2013 г. № 41.

Значительную особенность процессуальная регламентация применения залога в качестве меры пресечения, получила в связи с введением в текст УПК РФ новой меры пресечения в виде запрета определённых действия (ст. 105.1 УПК РФ), что стало очередным шагом законодателя, связанным с совершенствованием существующей системы мер пресечения, что был сделан путем принятия Федерального закона от 18.04.2018 г. № 72-ФЗ [44].

В рамках обозначенных нормативных изменений, ст. 106 УПК РФ была дополнена ч. 8.1, предусматривающей право суда, при избрании залога в качестве меры пресечения, возложить на подозреваемого или обвиняемого обязанность по соблюдению запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Обязанность по соблюдению запретов, предусмотренных п. 2 - 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, действует до отмены или изменения меры пресечения в виде залога, а обязанность по соблюдению запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, до истечения срока, установленного судом в соответствии с ч. 9 и 10 ст. 105.1 УПК РФ. При этом, контроль за соблюдением подозреваемым или обвиняемым возложенных судом запретов осуществляется в порядке, установленном ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ.

Таким образом, законодатель связал между собой залог и запрет определённых действий, создав возможность суда применять залог в качестве комплексной меры пресечения, включающей в себя разноплановое превентивное воздействие.

Данное нововведение, как отмечается одним из авторов, «существенно усиливает принудительный потенциал залога, поскольку одновременно с внесением необходимой суммы на лицо могут быть наложены соответствующие ограничения» [1, с. 69].

Обращает на себя внимание то, что возложение запретов является правом, а не обязанностью суда. Поэтому избрание меры пресечения в виде залога возможно с возложением на подозреваемого или обвиняемого запретов, или без такового.

О каких именно дополнительных правоограничениях идёт речь, в контексте внесённых изменений в ст. 106 УПК РФ?

Анализ содержания соответствующих пунктов ст. 105.1 УПК РФ, ссылки на которые содержатся в ч. 8.1 ст. 106 УПК РФ, приводит к выводу о возможности законного применения судом, наряду с залогом, следующих запретов:

- выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
- находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- общаться с определенными лицами;
- отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;
- управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Суд может применить как один из обозначенных запретов, так и несколько из них, а также весь перечень приведённых запретов, если речь идёт о совершении преступления, связанного с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, поскольку запрет, указанный в п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ может быть применён исключительно по указанной категории уголовных дел.

Таким образом, в целях индивидуализации данной меры, законодатель наделил суд широкими возможностями проявить судебное усмотрение и ужесточить залог дополнительными запретами, значительно увеличив предупредительный потенциал залога как меры пресечения. Но насколько

подобное ужесточение залога оправданно? При применении широкого спектра запретов, наряду с существенным размером залоговой суммы, анализируема мера пресечения становится гораздо более строгой, предусматривая уже не только психологическое воздействие (в виде возможности обращения заложенного имущества в доход государства), но и физическое воздействие на обвиняемого с помощью указанных запретов и надзора за их соблюдением.

Границы залога, как меры пресечения, при таком подходе, размываются и становится непонятно, какая именно мера пресечения, фактически применена в текущий момент: залог, запрет определённых действий или же домашний арест? Или же обозначенные меры процессуального принуждения применены все вместе в совокупности (когда суд избрал, к примеру, максимальный перечень запретов, указанных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, наряду с залогом)? Тогда о какой мере пресечения по факту идёт речь?

Что касается запрета выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором лицо проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Данный запрет, по сути, воспроизводит основной запрет, применяемый ранее в рамках домашнего ареста, в утратившей на данный момент силу редакции ст. 107 УПК РФ.

Применение указанного запрета в совокупности с залогом видится как достаточно жёсткая форма предупреждения со стороны подозреваемого или обвиняемого нежелательных действий, целесообразность которой видится сомнительной по нескольким причинам.

И применение залога, и применение указанного запрета сопряжены с определёнными организационными сложностями – при наличии сомнений в эффективности залога, суду гораздо целесообразнее применить к лицу домашний арест, а не соединять залог с данной формой «облегчёного» домашнего ареста (без полной изоляции от общества), а если сомнений в эффективности залога, как самостоятельной меры пресечения, нет, то тогда

для чего дополнительное ограничение такого плана? Это видится не вполне логичным.

Тем более, с введением возможности сопрягать залог с дополнительными запретами, нарушилась общая, существовавшая до этого, градация степени строгости воздействия, заложенная в систему мер пресечения.

Если ранее, безусловно, домашний арест представлялся более строгой мерой пресечения, нежели залог, то в настоящее время залог в комплексе с иными запретами видится более строгой мерой пресечения, чем домашний арест, который находится в иерархии мер пресечения ступенью выше – являясь более мягкой мерой лишь относительно заключения под стражу, обладающего максимальным репрессивным потенциалом среди всех мер уголовно-процессуального принуждения.

В п. 11 ст. 105.1 УПК РФ указано, что контроль за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов, осуществляется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных; в целях осуществления контроля могут использоваться аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля, перечень и Порядок применения которых определяются Правительством Российской Федерации; порядок осуществления такого контроля определяется нормативными правовыми актами, утверждаемыми федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, совместно со Следственным комитетом Российской Федерации и федеральными органами исполнительной власти, в состав которых входят органы предварительного следствия, по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

Таким образом, применение дополнительных запретов в комплексе с залогом вызывает необходимость привлечение для осуществления контроля соответствующих должностных лиц, а также использование дополнительных технических средств, что может повлечь за собой как лишние организационные сложности, так и материальные затраты. При таких обстоятельствах, представляется наиболее логичным избрание (при наличии на то оснований) домашнего ареста, а не залога, обременённого массой иных запретов.

Что касается судьбы предмета залога, то она напрямую связана с поведением лица, для обеспечения надлежащего поведения которого применена анализируемая мера пресечения, что предполагается самим механизмом «работы» залога.

В соответствии с ч. 9 ст. 106 УПК РФ, в случае нарушения подозреваемым либо обвиняемым обязательств, связанных с внесенным залогом, залог обращается в доход государства по судебному решению.

В остальных случаях, как указывает законодатель в ч. 10 ст. 106 УПК РФ, суд при постановлении приговора или вынесении определения либо постановления о прекращении уголовного дела решает вопрос о возвращении залога залогодателю (независимо от того, кто выступает в данном процессуальном качестве).

При прекращении уголовного дела следователем, дознавателем залог возвращается залогодателю, о чем указывается в постановлении о прекращении уголовного дела, что является естественным и закономерным при подобном решении вопроса об уголовном преследовании в отношении конкретного лица.

Заслуживает внимания предложение Ю.В. Царёвой о том, что «в действующий уголовно-процессуальный закон должны быть внесены положения, предусматривающие обязанность органов расследования либо суда вернуть залогодателю ранее внесенный им залог в случае, если в ходе предварительного расследования либо судебного разбирательства данная мера

пресечения изменяется и это не связано с нарушением обвиняемым условий её избрания» [50, с. 32].

Данное предложение обусловлено неурегулированностью данного аспекта, с учётом того, что в правоприменении, в части изменения меры пресечения, возможны две принципиально разные ситуации, от которых зависит решение вопроса о судьбе залога. Первая, когда изменение меры пресечения обусловлено нарушением обвиняемым условий её избрания, вторая – когда это происходит в силу иных, не связанных с этим, обстоятельств.

Согласно положениям УПК РФ, в первом случае мера пресечения в виде залога изменяется на более строгую, а залог обращается в доход государства, а во втором случае мера пресечения в виде залога изменяется, а вопрос о предмете залога остается открытым.

3.2 Проблемы эффективности залога как меры пресечения

Актуальность исследования вопросов, связанных с эффективностью применения залога как меры пресечения в ходе производства по уголовным делам обусловлена необходимостью, с одной стороны, гуманного отношения к личности и расширения практики применения мер пресечения не связанных с изоляцией от общества, а с другой стороны – необходимостью повышения эффективности существующей системы мер пресечения, с учётом того, что все меры пресечения, являясь частями целостной системы, определённым образом связаны друг с другом.

В современной практике на протяжении многих лет и до настоящего времени доминирует применение подписки о невыезде и надлежащем поведении (в случаях, когда риск нарушений со стороны подозреваемого или обвиняемого крайне мал) и заключение под стражу (для всех остальных случаев), а доля залога в общей массе ежегодно избираемых и назначаемых

при производстве по уголовным делам мер пресечения традиционно мала, несмотря на всю потенциальную эффективность.

Эффективность любой меры пресечения, включая залог, заключается в её способности обеспечить цели, ради достижения которых она применяется к подозреваемому или обвиняемому, а в соответствии с ч. 1 ст. 106 УПК РФ таковыми являются:

- обеспечение явки подозреваемого или обвиняемого по вызову должностного лица, обладающего властными полномочиями;
- предупреждение совершения подозреваемым или обвиняемым преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу.

Если в результате применения залога подозреваемый или обвиняемый являлся по вызовам должностных лиц, не совершал преступных деяний и не пытался препятствовать противозаконными средствами производству предварительного расследования – значит, избранная мера пресечения оказалась эффективной и прогноз, осуществляемый судом при принятии соответствующего решения, полностью оправдался.

Для того, чтобы сформулировать общий вывод об эффективности применения залога проанализируем данные о числе случаев допущенных нарушений, при которых залог обращался в доход государства.

В 2011 г., залог был применён в 1003 случаях, при этом залог был обращён в доход государства в 41 случае (4,087%); в 2012 г. на 835 случаев назначения залога, число случаев обращения залога в доход государства составило 24 случая (2,87%); в 2013 г. – 702 случая назначения залога и 20 случаев нарушений, обусловивших обращение залога в доход государства (2,84%); в 2014 г. – 792 случая назначения залога и 22 случая нарушений (2,75%); в 2015 г. – 499 случаев назначения залога и 14 случаев нарушений (2,8%), в 2016 г. – 498 случаев назначения залога и 15 случаев нарушений (3%) [16, с. 81].

Таким образом, в среднем, нарушения подозреваемым либо обвиняемым обязательств, связанных с внесенным залогом наблюдается, в среднем, менее чем 3% случаев, что представляется довольно низким показателем, свидетельствующим о достаточной эффективности залога в качестве меры пресечения и обоснованности её применения судами. Так почему же тогда рассматриваемая мера пресечения не находит широкой практики применения в отношении широкого круга лиц, привлекаемых к уголовной ответственности?

Исходя из отмеченного можно сделать обоснованный вывод о том, что причиной довольно низких показателей, связанных с назначением залога в качестве меры пресечения, является отнюдь не низкая эффективность данной меры, а ряд иных причин – в первую очередь организационных, связанных с разного рода сложностями, сопряжёнными с применением судом залога на практике.

Отдельные авторы рассматривают вопрос повышения эффективности залога с позиции возможности извлечения из применения анализируемой меры пресечения дополнительных социально-полезных благ.

Например, в качестве одной из мер, направленных на извлечение дополнительной пользы для государства из применения залога в качестве меры пресечения Н.Г. Нарбикова предлагает «выработать механизм, с помощью которого деньги, поступившие на депозитные счета соответствующих органов, можно использовать в период предварительного расследования и судебного разбирательства, в результате чего они будут приносить доход в виде процентов, которые могут иметь целевое назначение, например, строительство и ремонт пенитенциарных учреждений, их материально-техническое оснащение» [26, с. 257].

Такая идея, теоретически, может быть принята во внимание, но лишь при безусловном гарантировании со стороны государства возвратности данных средств на законных основаниях залогодателю. Возможное использование предмета залога в виде денежных средств для инвестирования

и другим аналогичным образом, должно предполагать полную ответственность государства.

Ни о каком распределении рисков не может идти речь, с учётом того, что обязанность осуществить возврат данных средств должно нести государство и только государство.

В ряде публикаций высказываются отдельные мнения о том, как повысить эффективность применения залога и усовершенствовать соответствующие правоприменительные процедуры.

Например, Л.М. Фетищева [48] считает целесообразным при нарушении обвиняемым, к которому применён залог в качестве меры пресечения, возложенных на него обязательств, определённую часть суммы залога обращать в доход государства, а часть направлять на возмещение потерпевшему материального ущерба, связанного с совершением данного преступления.

Более того, автор предлагает производить пропорциональные удержание из суммы залога на возмещение вреда потерпевшему и в доход государства не только в случаях нарушения условий меры пресечения, но и при вынесении (а также вступлении в законную силу) обвинительного приговора суда, которым подсудимый признаётся виновным в совершении инкриминируемого ему преступления.

Данная позиция неприемлема по разным основаниям. Единственное назначение предмета залога – обеспечить надлежащее поведение лица и эффективность такого сдерживающего воздействия зависит, с одной стороны, от боязни лица утратить предмет залога (поэтому сумма залога должна быть существенной), а с другой стороны, зависит от уверенности лица в том, что при надлежащем поведении заложенные средства будут возвращены в полном объёме. И такая уверенность должна строиться на прочной нормативно-правовой основе.

Если возвратность предмета залога ставить не только в зависимость от надлежащего поведения, но и от вынесения оправдательного приговора,

данная мера пресечения утратит свою эффективность. Какой смысл вносить средства в качестве залога и воздерживаться от нежелательного поведения, если внесённую сумму (причём не малую), скорее всего, не вернут назад?

Более того, при обозначенном выше подходе автором упускается из вида один важный момент: как быть в ситуации, когда залогодатель – не лицо, на которое направлено уголовное преследование, а иное физическое, или даже юридическое лицо. На каком основании возлагать на данное лицо, не имеющее отношения к совершённому преступлению, обязанность возмещать вред, причинённый преступлением или же направлять внесённые им средства, к примеру, на выплату назначенного по обвинительному приговору суда штрафа? В рассматриваемой ситуации, действия государства нарушали бы конституционное право частной собственности залогодателя, возлагая на него бремя материальной ответственности без наличия вины.

Ю.В. Царёва, поддерживая в своём исследовании идею направления залоговых средств на возмещение ущерба, причинённого преступлением (в случае наличия материального ущерба) при вынесении обвинительного приговора суда, считает, что если залогодателем выступает любое другое лицо, не являющееся обвиняемым, следует получать его согласие «на обращение переданного им залога в счет погашения имущественного вреда при вступлении в законную силу обвинительного приговора в отношении лица, к которому применен залог» [50, с. 16].

Однако, данное предложение выглядит очень надуманным и оторванным от повседневной действительности. Как представляется, вероятность получения такого согласия на добровольных началах от залогодателя, который не является обвиняемым, а также не имеет какой-либо причастности к совершённому противоправному посягательству, близка к нулю.

Однако, включение подобного указания в текст ст. 106 УПК РФ может, потенциально, создать возможности для разного рода служебных злоупотреблений, способствуя формированию противоправной и

недопустимой в правовом государстве практики оказания давления со стороны должностных лиц обвинения на залогодателя (лицо, выступившее в данном качестве) в целях получения «псевдо-добровольного» согласия на последующее «правомерное» обращение принадлежащих ему средств на социально-полезные нужды.

На сегодняшний момент, подобная практика не соответствует действующему законодательству, равно, как и обращение залога в доход государства по иным основаниям, помимо нарушения подозреваемым или обвиняемым условий, связанных с применением к нему залога в качестве меры пресечения.

В судебной практике есть весьма красноречивый пример, связанный с ошибочным подходом суда к решению данных вопросов, связанных с предметом залога.

Согласно приговору, М. было назначено дополнительное наказание в виде штрафа. Для исполнения назначенного ему штрафа часть залоговой суммы в размере 100 тыс. рублей была взыскана, а оставшаяся часть залоговой суммы в размере 200 тыс. рублей была возвращена подсудимому М.

В этой связи взыскание судом первой инстанции наказания в виде штрафа за счет денежных средств, внесенных в качестве залога, было признано незаконным.

Решением Верховного Суда РФ также было выявлено второе нарушение в данном деле. При вынесении судебного решения суд первой инстанции обязан был в порядке ч. 5 ст. 106 УПК РФ рассмотреть вопрос о возвращении залога залогодателю. Наряду с этим в порядке ст. 106, 118 УПК РФ возвращение залоговой суммы производится непосредственно залогодателю. Анализ материалов уголовного дела показал, что залоговая сумма была внесена за М. иным лицом – Х. Таким образом, суд, не определив фактическую принадлежность суммы залога, оставшуюся залоговую сумму в нарушение ч. 5 ст. 106 УПК РФ на основании вынесенного приговора вернул не залогодателю, а осужденному М.

В результате суд первой инстанции взыскал штраф как дополнительное уголовное наказание с лица, не признанного виновным в совершении данного преступления.

На основании изложенного судебные решения в части обращения залоговой суммы в размере 100 тыс. рублей в качестве взыскания с М. дополнительного наказания в виде штрафа и возвращения ему оставшейся залоговой суммы 200 тыс. рублей отменены, а дело передано на новое судебное рассмотрение для решения вопроса о возврате залога в сумме 300 тыс. рублей залогодателю в соответствии с ч. 5 ст. 106 УПК РФ [30].

В приведённой ситуации суд ошибочно полагал, что может на законных основаниях обратить взыскание на залоговые средства. Однако, как уже было отмечено выше, обращение залоговой суммы в доход государства может быть допустимым лишь при установлении факта нарушения обязательств, возложенных на лицо в связи с применением к нему меры пресечения в виде залога и никак иначе.

Обозначенная ситуация, выявленная Верховным Судом РФ, судя по всему, послужила основой для достаточно чёткой позиции, нашедшей своё выражение в тексте Постановления Пленума от 19.12.2013 г. № 41: «Исходя из положений части 9 статьи 106 УПК РФ вопрос об обращении залога в доход государства в связи с нарушением обязательств, связанных с внесением залога, разрешается только судом и в порядке, предусмотренном частями 3 и 4 статьи 118 УПК РФ. Уголовно-процессуальный закон не предусматривает иные основания обращения взыскания на залог, в том числе в целях исполнения наказания в виде штрафа по приговору суда» (п. 50 Постановления).

Правовая позиция Пленума Верховного Суда РФ на данный момент подводит черту под попытками использования предмета залога для иных, помимо основной, целей, по сути, не связанных с пресечением – т.е. того, ради чего предмет залога вносился, раз уж обвиняемый (или иное лицо) предоставили соответствующие денежные средства (или ценное имущество) в

распоряжение государства в лице должностных лиц, обладающих властными полномочиями.

Таким образом, попытки получить из применения залога в качестве меры пресечения двойное благо – и обеспечить надлежащее поведение лица, на которое направлено уголовное преследование, и возместить за счёт залоговых средств ущерб, причинённый преступлением и (или) использовать данные средства для выплаты штрафа, назначенного по приговору суда, заведомо недопустимы, поскольку идут вразрез с основной целью меры пресечения, а также нарушают работу самого механизма данной меры, обеспечивающего её эффективность в обеспечении надлежащего поведения. Попытка использования предмета залога подобным образом повлечёт лишь одно – данная мера пресечения утратит свой потенциал и сама её востребованность со стороны лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, будет находится под большим вопросом.

Таким образом, подводя итоги третьей главы исследования, можно сделать ряд выводов. В целях усиления превентивного воздействия залога в тех случаях, когда предмет залога вносится иным, помимо самого подозреваемого или обвиняемого, физическим лицом, предлагается предусмотреть в ст. 106 УПК РФ диспозитивную возможность осуществления контроля со стороны залогодателя за надлежащим поведением лица, к которому применена рассматриваемая мера пресечения.

Данная правовая модель может вполне быть эффективна в случае, если добросовестное отношение со стороны залогодателя к обязанности контролировать обвиняемого будет служить основанием для возвращения ему залога при допущении нарушения установленных обязанностей со стороны данного лица.

Таким образом, наличие соответствующего (диспозитивного, а не императивного) положения в тексте ст. 106 УПК РФ могло бы стимулировать залогодателя к содействию в обеспечении надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого, создавая некое подобие соединения в

рамках залога двух мер пресечения – в виде непосредственно залога и личного поручительства.

Таким образом, обобщая сказанное, можно сформулировать в качестве предложения, внесение в текст ст. 106 УПК РФ новой ч. 9.1 следующего содержания: «9.1 Залог может не обращаться в доход государства в соответствии с ч. 9 ст. 106 настоящего Кодекса, либо обращаться не в полном объёме, если залог внесён физическим лицом, не являющимся подозреваемым либо обвиняемым, и данное лицо докажет, что предприняло со своей стороны действия, направленные на обеспечение надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого и исполнение им обязательств, связанных с внесением залога».

Вызывает обоснованные сомнения предусмотренная законодателем возможность суда применять к лицу, в отношении которого назначена мера пресечения в виде залога, дополнительных запретов, указанных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Границы залога, как меры пресечения, при таком подходе, размываются.

Представляется, что при наличии сомнений в эффективности залога, суду просто следует применить к лицу иную меру пресечения: запрет определённых действий, домашний арест или, в крайнем случае, заключение под стражу. Залог же обладает собственным в этом отношении потенциалом.

Что касается судьбы предмета залога, следует не согласиться с высказываемыми в науке предложениями направлять его, в случае вынесения обвинительного приговора суда, на возмещение ущерба, причинённого преступлением и (или) использовать данные средства для выплаты штрафа, назначенного по приговору суда. Такой подход заведомо недопустим, поскольку идёт вразрез с основной целью меры пресечения, а также нарушает работу самого механизма данной меры, обеспечивающего её эффективность в обеспечении надлежащего поведения.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что с момента появления залога в действующем УПК РФ, в ст. 106 УПК РФ и ряд сопутствующих процессуальных норм вносились изменения, всякий раз расширяющие и детализирующие особенности и процессуальный порядок её применения, что следует оценить положительно, поскольку таким образом законодатель всякий раз уделял внимание совершенствованию действующего регулирования.

Таким образом, залог занимает важное место в числе иных мер пресечения, включённых в единую систему мер, закреплённых в главе 13 УПК РФ в силу наличия, по-своему уникального, механизма сдерживающего (превентивного) воздействия на обвиняемого (подозреваемого), основанного на экономической составляющей.

Говоря о предмете залога как меры пресечения, следует сказать о том, что наиболее приемлемым в качестве предмета залога и удобным во всех отношениях являются денежные средства.

В науке можно встретить достаточно категоричную точку зрения, относительно возможности использования в качестве предмета залога иного, помимо денежных средств, имущества.

Тем не менее, законодатель совершенно оправданно предусмотрел возможность использования в качестве предмета залога не только денежных средств, но и иного имущества, имеющего ценность и принадлежащего на праве собственности залогодателю.

Тем самым, законодателем созданы предпосылки для более широкого применения залога, предоставляя возможность материально гарантировать надлежащее поведение лица, на которое направлено уголовное преследование, за счёт разных материальных ресурсов, имеющих должную стоимость. Определение вида (равно, как и размер залога), находится в исключительной компетенции суда.

В процессе совершенствования регулирования вопросов, связанных с назначением залога в качестве меры пресечения, законодатель, сформулировал нижнюю «пороговую» границу залога, ниже которой залог быть не может, связав её с категорией преступления, в котором подозревается или обвиняется лицо, на которое направлено уголовное преследование. Тем не менее, правоприменительная практика говорит нам о том, что данная нормативная корректировка размера залога не поспособствовала увеличению практики применения рассматриваемой меры пресечения.

Установив нижний предел размера залога, законодатель, очевидно, решил создать для суда ориентир, но так ли он необходим: действительно ли размер залога должен быть выше определённого законодателем нижнего предела?

Меньшая сумма залога, чем в данный момент позволяет ч. 3 ст. 106 УПК РФ, однозначно не сможет обеспечить надлежащее поведение лица, к которому рассматриваемая мера пресечения применяется?

Похоже, что законодатель поставил цель ограничить судебное усмотрение в данном вопросе, стремясь исключить формализм в определении размера залога.

Но подобный путь в решении проблемы вряд ли оправдан. Определяя, что размер залога определяется, в том числе, с учётом имущественного положения залогодателя, законодатель, тем не менее, говорит о том, что размер её должен быть выше установленного, а он отнюдь не мал, даже по преступлениям небольшой и средней тяжести он составляет пятьдесят тысяч рублей.

Собрать данную сумму в качестве предмета залога не каждому под силу, с учётом того, в частности, что многие преступления против собственности совершаются людьми с ограниченными материальными возможностями, без трудоустройства и наличия сбережений.

Как представляется, ключевым критерием в определении размера залога, из указанных законодателем, является имущественное положение

законодателя, из которого следует такое свойство предмета залога, как «существенность» его размера для залогодателя. Другими словами, размер залога должен быть значительным для конкретного лица, только в этом случае можно рассчитывать на то, что сдерживающая роль залога будет эффективной. Такая сумма не может быть универсальной, с учётом того, что уровень дохода у всех разный и создавая нижнее пороговое значение законодатель тем самым создаёт дополнительное препятствие для применения данной меры пресечения.

Пороговое значение залога не способно сказаться на эффективности залога, поскольку не имеет никакого значения в отрыве от иных свойств личности подозреваемого или обвиняемого, а также уровня его дохода, что подлежит учёту со стороны суда, который всегда может сам определить соответствующий размер залога в отношении конкретного лица, способный реализовать своё назначение в контексте обеспечения надлежащего поведения лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Судам необходимо очень внимательно и вдумчиво подходить к вопросу определения конкретного размера залога, устанавливая его на уровне, посильном для внесения и, при этом, обладающим необходимым сдерживающим воздействием за счёт того, что утрата предмета залога в данном размере станет существенным материальным лишением для залогодателя. В этой связи, как неоправданно низкая, так и чрезмерно высокая сумма залога неприемлемы.

Также изучение законодательного регулирования размера залога в современном уголовно-процессуальном праве позволяет сделать вывод о необходимости исключения фиксированной величины нижнего предела залога как условия, которое способно оказать позитивное влияние на увеличение практики его применения, ввиду того, что данное ограничение имеет лишь обратный эффект, создавая дополнительное материальное препятствие в применении залога – в тех случаях, когда минимальный размер залога не посилен для обвиняемого, но, при этом, с учётом конкретных

обстоятельств, меньшая сумма способна обеспечить надлежащее поведение данного лица.

Ключевым критерием для суда в вопросе определения размера залога должна стать достаточность для уверенного прогноза эффективного сдерживающего воздействия, с учётом всех проанализированных и учтённых судом обстоятельств.

Говоря о возможности использовать в качестве предмета залога иного, помимо денежных средств, имущества, следует сказать о том, что соответствующие процедуры слишком сложны и требуют времени: подтверждение права собственности, оценка имущества и т.д.

Одно лишь нормативное закрепление потенциальной возможности обеспечения надлежащего поведения лица, посредством залога имущества, не может способствовать расширению залоговой практики.

Проведённый в данном направлении анализ приводит к выводу о необходимости совершенствования нормативного регулирования, а также правоприменения в данном аспекте.

Решению данных проблем вполне может способствовать внесение соответствующих поправок в уголовно-процессуальный закон в части упрощения соответствующих процедур.

Следует отметить, что законодатель никак не ограничивает возможность применения залога к лицам, которым инкриминированы деяния разной степени тяжести, хотя отдельные авторы и высказывают подобные суждения. Тем не менее, введение подобных ограничений видится нецелесообразным.

В целях усиления превентивного воздействия залога в тех случаях, когда предмет залога вносится иным, помимо самого подозреваемого или обвиняемого, физическим лицом, предлагается предусмотреть в ст. 106 УПК РФ диспозитивную возможность осуществления контроля со стороны залогодателя за надлежащим поведением лица, к которому применена рассматриваемая мера пресечения.

Данная правовая модель может вполне быть эффективна в случае, если добросовестное отношение со стороны залогодателя к обязанности контролировать обвиняемого будет служить основанием для возвращения ему залога при допущении нарушения установленных обязанностей со стороны данного лица.

Таким образом, наличие соответствующего (диспозитивного, а не императивного) положения в тексте ст. 106 УПК РФ могло бы стимулировать залогодателя к содействию в обеспечении надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого, создавая некое подобие соединения в рамках залога двух мер пресечения – в виде непосредственно залога и личного поручительства.

Таким образом, обобщая сказанное, можно сформулировать в качестве предложения, внесение в текст ст. 106 УПК РФ новой ч. 9.1 следующего содержания: «9.1 Залог может не обращаться в доход государства в соответствии с ч. 9 ст. 106 настоящего Кодекса, либо обращаться не в полном объёме, если залог внесён физическим лицом, не являющимся подозреваемым либо обвиняемым, и данное лицо докажет, что предприняло со своей стороны действия, направленные на обеспечение надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого и исполнение им обязательств, связанных с внесением залога».

Вызывает обоснованные сомнения предусмотренная законодателем возможность суда применять к лицу, в отношении которого назначена мера пресечения в виде залога, дополнительных запретов, указанных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Границы залога, как меры пресечения, при таком подходе, размываются и становится непонятно, какая именно мера пресечения, фактически применена в текущий момент: залог, запрет определённых действий или же домашний арест?

Или же обозначенные меры процессуального принуждения применены все вместе в совокупности (когда суд избрал, к примеру, максимальный

перечень запретов, которые отражены законодателем в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, наряду с залогом)?

Представляется, что при наличии сомнений в эффективности залога, суду просто следует применить к лицу иную меру пресечения: запрет определённых действий, домашний арест или, в крайнем случае, заключение под стражу. Залог же обладает собственным в этом отношении потенциалом.

Что касается судьбы предмета залога, следует не согласиться с высказываемыми в науке предложениями направлять его, в случае вынесения обвинительного приговора суда, на возмещение ущерба, причинённого преступлением и (или) использовать данные средства для выплаты штрафа, назначенного по приговору суда. Такой подход заведомо недопустим, поскольку идёт вразрез с основной целью меры пресечения, а также нарушает работу самого механизма данной меры, обеспечивающего её эффективность в обеспечении надлежащего поведения.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Азаренок Н.В. Правило о допустимости применения запрета определенных действий, залога, домашнего ареста и заключения под стражу только при невозможности избрания иной, более мягкой меры пресечения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 68-71.
2. Апелляционное постановление от 09.09.2013 г. по делу № 10-8586/13 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
3. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 19.05.2015 г. по делу № 22-3109/15 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
4. Барабаш А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 183-185.
5. Баранов С.А. Залог в современном уголовном процессе России: проблемы нормативного регулирования и практика применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. 24 с.
6. Баранов С.А. Цели применения меры пресечения в виде залога в современном уголовном процессе // Бизнес в законе. 2009. № 4. С. 91-94.
7. Бурлакова Я.Ю. Проблемы избрания и применения мер уголовно-процессуального пресечения, не связанных с лишением или ограничением свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009. 28 с.
8. Бедняков И.Л. Проблемы правового регулирования залога в уголовном судопроизводстве: исторический опыт и современное состояние // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 20-25.
9. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. : Проспект, 2012. 752 с.

10. Бобракова И.С., Ковтун Н.Н. Детерминанты, снижающие эффективность применения залога в уголовном судопроизводстве России // Вопросы правоведения. 2011. № 2. С. 332-335.
11. Божьев В.П. Уголовный процесс: Учебник. М., 2014. 678 с.
12. Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. Уфа, 2003. 301 с.
13. Величко А.В. Правовое регулирование применения залога как меры пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 25 с.
14. Вершинина С.И. Залог в системе мер пресечения. Тольятти, 1999. 120 с.
15. Вершинина С.И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 113-116.
16. Вершинина С.И. Проблемы правового регулирования залога как меры пресечения // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С.78-83.
17. Головинская И.В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Современное право. 2016. № 3. С. 89-92.
18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
19. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
20. Евланова Е.Ю. О некоторых вопросах избрания меры пресечения в виде залога // Социально-политические науки. 2018. № 3. С. 162-168.
21. Калинин С.В. Новый порядок применения меры пресечения в виде залога // Российский судья. 2010. № 8. С. 12-16.

22. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 01.11.2012 г. № 50-О12-37 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
23. Колоколов Н.А. Залог, домашний арест: становление практики (статья 2) // Российский следователь. 2011. № 12. С. 19-25.
24. Колоколов Н.А. Эффективность применения залога в качестве меры пресечения: реалии российской практики // Уголовный процесс. 2011. № 5. С. 50-53.
25. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под общ. ред. А. В. Смирнова. СПб., 2004. 780 с.
26. Нарбикова Н.Г. Проблемы эффективности залога как меры пресечения в уголовном процессе // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. № 5 (55). С. 256-257.
27. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2014. 1056 с.
28. Обобщение практики рассмотрения судами Тульской области материалов об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу за 9 месяцев 2016 года // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
29. Определение Верховного Суда РФ от 22.03.2011 г. № 53-О11-15 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
30. Определение Верховного Суда РФ от 26.01.2010 г. № 9-Д09-25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 7.
31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2, февраль, 2014.

32. Постановление Правительства РФ от 13.07.2011 г. № 569 «Об утверждении Положения об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности» // СЗ РФ. 2011. № 29. Ст. 4490.

33. Постановление Правительства РФ от 28.09.2000 г. № 731 «Об утверждении Правил учета и хранения драгоценных металлов, драгоценных камней и продукции из них, а также ведения соответствующей отчетности» // СЗ РФ. 2000. № 41. Ст. 4077.

34. Россинский С.Б. Уголовный процесс России: Курс лекций. М., 2007. 560 с.

35. Сибирякова О.Ю. Предмет залога как меры пресечения в уголовном процессе // Вестник Удмуртского ун-та. 2006. № 6. С. 230-235.

36. Стерхов П., Стерхова И. Судебный контроль и проблемы применения домашнего ареста и залога // Уголовное право. 2008. №3. С. 78-83.

37. Судебная практика рассмотрения ходатайств об избрании меры пресечения в виде залога на 2012 г. // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

38. Тутынин И.Б. Залог как мера пресечения: предложения по совершенствованию нормативного регулирования и практики применения // Академическая мысль. 2019. № 1 (6). С. 28-31.

39. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ. // СЗ РФ. 2001. № 54 (ч. 1). Ст. 4921.

40. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

41. Федеральный закон от 04.06.2014 г. № 141-ФЗ «О внесении изменения в статью 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 23. Ст. 2926.

42. Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

43. Федеральный закон от 07.04.2010 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 15. Ст. 1756.

44. Федеральный закон от 18.04.2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // СЗ РФ. 2018. № 17. Ст. 2421

45. Федеральный закон от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. № 17. 1996. Ст. 1918.

46. Федеральный закон от 26.03.1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1463.

47. Федеральный закон от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3813.

48. Фетищева Л.М. Законодательное регулирование и практика применения залога в качестве меры пресечения в уголовном процессе // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 353-356.

49. Царёва Ю.В. Залог в системе мер уголовно-процессуального пресечения // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 162-168.

50. Царёва Ю.В. Залог как мера пресечения в уголовном процессе России: доктрина, юридическая техника, правоприменительная практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Н. Новгород, 2018. 35 с.

51. Царёва Ю.В. Проблемы, связанные с использованием в качестве предмета залога движимого и недвижимого имущества // Юрист-Правоведъ. 2017. № 1 (80). С. 129-133.

52. Шамсутдинова Р.З., Абашева Ф.А. Процессуальные проблемы применения меры пресечения в виде залога в уголовном судопроизводстве // Экономика и право. 2013. Вып. 3. С. 207-209.

53. Шаповалова Т.И. Залог как мера пресечения в уголовном процессе и его применение следователями органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2001. 23 с.

54. Шашин Д.Г., Юрова К.Я. Несовершенство норм о залоге как препятствие его применения в российском уголовном процессе // Сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции. Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т МВД России, 2015. С. 255-260.

55. Шейфер С.А., Вершинина С.И. Применение залога как меры пресечения // Прокурорская и следственная практика. 1998. № 4. С. 25-29.

56. Шишов А.В. Понятие, цели, основные свойства залога как меры пресечения в уголовном судопроизводстве // Закон и право. 2019. № 3. С. 80-82.